

Для цитирования: Виноградова Е.Н., Хань Сюэ. «Под грузом ответственности»: грамматикализация сочетаний *под* + тв. п. в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 9–21.

“UNDER THE WEIGHT OF RESPONSIBILITY”: THE GRAMMATICALIZATION OF *POD* + INSTRUMENTAL CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN

Ekaterina N. Vinogradova, Han Xue

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ekaterinavin@mail.ru, wanxihx@163.com

Abstract: This article investigates the grammaticalization of Russian prepositional constructions formed by the pattern *под* + instrumental case, focusing on their functional, semantic, and syntactic evolution toward prepositional status. The primary aim is to analyze constructions with situational meaning — i.e., denoting an external situation that determines the subject’s state — and to assess their degree of grammaticalization. The study also classifies these constructions into semantic subgroups and explores the mechanisms driving their development.

The research draws on data from contemporary Russian dictionaries of functional words, Russian Constructicon and the Russian National Corpus, including statistical and qualitative analyses of bigrams and trigrams. The methodology relies on established parameters of grammaticalization — metaphorization, bleaching, productivity (total frequency), relative frequency (construction’s stability) — which are evaluated quantitatively.

The analysis identifies 3 main semantic subgroups: physical pressure (*под бременем*), military pressure (*под огнем*), and natural conditions (*под лучами*). Among these, the constructions denoting physical pressure exhibit the highest degree of grammaticalization, characterized by frequent metaphorical usage and a high degree of stability. Constructions from the military and natural subgroups show more limited or emerging signs of grammaticalization.

Many of these prepositional units overlap with causal meaning and demonstrate a gradual shift from situational to more abstract causative meaning. Their development often proceeds by analogy with established prepositions.

Keywords: prepositional unit; construction; the preposition *POD*; grammaticalization; situative meaning

For citation: Han Xue, E.N. Vinogradova (2026). “Under the Weight of Responsibility”: The Grammaticalization of *POD* + Instrumental Constructions in Russian. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 9–21.

Введение

В последние десятилетия лингвисты активно описывают грамматикализацию форм знаменательных частей речи в предлоги [Всеволодова и др. 2014; Виноградова 2016; 2024; Конюшкевич 2015; 2024; Зеленин, Руднев 2021; Шереметьева 2019, Kolyaseva 2022; Акса-

рина, Басова 2023; Gainutdinova et al. 2024]. Для изучения всего континуума переходных случаев были предложены понятия «предложная единица» (ПЕ), охватывающая весь спектр конструкций, выполняющих функцию предлога, и «функционально-грамматическое поле» предлога, позволяющее учитывать все ПЕ [Всеволодова и др. 2014] и рассматривать грамматикализацию сочетаний как движение с периферии поля к его ядру. В то же время в рамках грамматики конструкций предлоги рассматриваются как один из типов конструкций [Janda et al. 2023; Zhukova, Janda 2024], что также делает актуальным их изучение.

Анализ словарей [Бурцева 2010; Ефремова 2001] показал, что по модели *под* + тв. п. образован целый ряд ПЕ: *под видом, под влиянием, под давлением, под действием, под знаком, под напором, под флагом, под эгидой* и др.; в [Russian Constructicon] отмечены: *под прикрытием, под страхом, под именем, под углом, под бдительным оком, под знаменем* и др. Для классификации реестра данных ПЕ была использована типология синтаксем в [Золотова 2001], согласно которой сочетания *под* + тв. п. формируют 5 типов синтаксем: 1) ситуатив; 2) компонент, означающий способ именованности; 3) компонент, обозначающий положение социальной зависимости; 4) компонент, содержащий модальную квалификацию; 5) каузатив. Целью работы является описание ПЕ группы «ситуатив» — ПЕ со значением «обозначение внешней ситуации, определяющей состояние субъекта» [Золотова 2001: 276]; в задачи входит выявление реестра ПЕ группы, создание алгоритма их описания и определение степени их грамматикализации.

1. Реестр ПЕ и алгоритм их описания

В качестве «кандидатов» в предлоги группы «ситуатив» на основе изучения [Ефремова 2001; Бурцева 2010; Russian Constructicon] и анализа биграмм и триграмм основного корпуса НКРЯ были определены 13 единиц, разделенные далее на 3 подгруппы на основании семантики исходных существительных: 1) физическое давление: *под бременем, под гнетом, под грузом, под прессом, под тяжестью*; 2) военное давление: *под обстрелом, под огнем, под ударами / ударом*; 3) природные условия: *под ветром, под градом, под лучами, под солнцем*.

В настоящее время не существует единого стандарта оценки степени грамматикализации сочетаний. В лингвистике для этого выработаны некоторые операциональные критерии (см. обзоры в [Всеволодова 2011; Виноградова 2016, 2023; Материалы 2018]), в частности, в работе [Brinton, Traugott 2005: 105–109] перечислены следующие параметры: градуальность; однонаправленность; «замораживание»

коллокаций; фонетическая редукция; потеря композициональности; метафоризация и метонимизация; декатегоризация; выцветание значения (bleaching); субъективизация — появление значений, отражающих позицию говорящего; продуктивность — рост числа употреблений конструкции; частотность — большая частотность конструкции, чем ее источника; типологические аналогии. Однако ни один набор операциональных критериев не дает однозначного ответа на вопрос относительно статуса единицы, что связано, прежде всего, с постоянным развитием конструкций.

Для анализа ПЕ группы «ситуатив» были изучены такие параметры, как метафоризация, выцветание значения, продуктивность и частотность. **Метафоризация** определяется с помощью подсчета вручную доли метафорических употреблений конструкции от общего количества употреблений конструкции; одновременно с этим демонстрируются примеры расширения сочетаемости, которые свидетельствуют о **выцветании** значения. За **общую частотность** конструкции (или **продуктивность**) принимается ipm конструкции (запрос вида: *под + тяжестью* + р. п.). **Относительная частотность** конструкции рассчитывается по отношению к ее источнику¹, при этом учитывается 2 вида соотношений ipm конструкции: с ipm сочетания-источника (запрос вида: *под + тяжестью*) и с ipm лексемы-источника (запрос вида: любая форма слова *тяжесть* + р. п.). Относительная частотность характеризует **устойчивость** конструкции (ср. подсчет мер устойчивости коллокаций в корпусной лингвистике). Кроме того, те же количественные данные приводились для «контрольного» примера — сочетания, которое не «подозревается» в наличии функции предлога. Исследование проводилось на материале основного корпуса НКРЯ, примеры также из НКРЯ.

2. Описание ПЕ со значением ситуатива

2.1. Подгруппа «физическое давление»: *под бременем, под гнетом, под грузом, под прессом, под тяжестью*. Так, в примере *Все лето, осень и начало зимы, финскую войну и до начала Отечественной фельдшер Тумаши жил под гнетом пугающего ожидания, когда вызовут?* ПЕ *под гнетом* обозначает внешнюю ситуацию, которая характеризует состояние фельдшера Тумаши, ср. также: *А мы остались под удивительным светлым впечатлением от этой встречи и под тяжестью неразрешимого вопроса: что же сделать, чтобы ему помочь?*; *Отец Браун не падает под грузом зла; Невозможно рассказать во всех подробностях, как раскаивался этот человек и как*

¹ Мы искренне благодарим глубокоуважаемого рецензента за ценную (и, как кажется, очень продуктивную) рекомендацию проанализировать относительную частотность, а также использовать «контрольный» пример.

под бременем проклятия влачил свою жизнь, пока смерть не принесла ему избавления; Следствие шло *под прессом* «общественного мнения»: высказывали в эфир и верещали какие-то тетки, тяжело-весно и не по делу вещали «ученые мужи».

На наш взгляд, появление и эволюция данных ПЕ обусловлены, с одной стороны, пространственной метафорой, а с другой — аналогией с грамматикализированным предлогом причины *под давлением*, которая приводит к дальнейшей грамматикализации ПЕ и развитию у них значения каузатива — «компонента со значением действия, состояния, явления природы, *вызывающего* предикативное состояние или изменение состояния предикатируемого субъекта» [Золотова 2001: 279]. Иными словами, если ситуатив — это компонент, просто «сопутствующий» состоянию субъекта, то каузатив непосредственно вызывает это состояние или его изменение. Поэтому данные ПЕ находятся на пересечении ситуатива и каузатива, ср. употребления в качестве каузатива: *Но это вовсе не означает, что мы согнулись под грузом забот и не пытаемся их решать; «Зайчик» и «кошечка» под бременем ответственности, которая отныне и вовеки веков будет лежать на их плечах, вдруг ощущают себя безнадежно повзрослевшими...; Чаше всего хорошие идеи гибнут под гнетом* нашего первичного отрицания и критики; *Я взял второе пиво, потягивая которое не чувствовал вкуса под прессом* тех странных и тревожных сведений, которые вываливала на меня Ляззат; *Под тяжестью* новых данных обрушилось представление об упорядоченном расположении Нох-генов в хромосомах.

Для определения степени **метафоризации** подсчитывалась доля метафорических употреблений среди всех употреблений конструкции (100 %), ср. контекст с прямым значением: *К тому же под тяжестью* самого дома он (цоколь — авт.) должен выдерживать большие нагрузки. Метафоризация проявляется в изменении сочетаемости — в употреблении непредметных сущ. в качестве актанта (см. табл. 1). Подобное расширение (генерализация) контекстов свидетельствует о **выцветании** значения. ПЕ имеют правые распространители типа:

- *под тяжестью* преступлений, грехов, раздумий, лет, горя, улик, налогов, страданий, стыда, войны, вины, воспоминаний, ударов судьбы;
- *под гнетом* горя, нужды, страха, насилия, нищеты, смерти, паники, вины, цензуры, деспотизма, ожидания, переживаний, лжи, времени, скуки, улик;
- *под бременем* горя, лет, труда, забот, глупости, уныния, горести, праздности, зол, страстей, времени, налогов, раскаяния, тоски, долгов, болезней, борьбы, обид;

- **под грузом** ответственности, забот, проблем, участи, грехов, долгов, зла, конфликтов, традиции, обязанностей, ошибок, печального опыта, прожитых лет;
- **под прессом** конформизма, «общественного мнения», «культы личности», пропаганды, ненависти, усталости, скуки, ускорения, реванша, уязвленной гордости.

Таблица 1

Характеристика ПЕ подгруппы «физическое давление»

ПЕ	общая частотность ПЕ, ірп (под тяжестью + р.п.)	частотность сочетания (под тяжестью), ірп	относительная частотность ПЕ среди сочетаний	частотность лексемы (любая форма тяжести + р.п.), ірп	относительная частотность ПЕ среди употреблений лексемы	доля метаф. употреблений
1 под тяжестью	2,71	2,96	92%	14,93	18%	17%
2 под гнетом	1,31	1,46	90%	3,84	34%	98%
3 под бременем	0,77	0,83	93%	4,99	15%	95%
4 под грузом	0,23	0,31	74%	5,66	4%	60%
5 под прессом	0,09	0,28	32%	0,52	17%	94%
контрольный пример под кроватью	0,08	1,94	4%	3,37	2%	-

Анализ данных табл. 1 позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемые ПЕ (кроме **под прессом**) являются достаточно устойчивыми, так как занимают значительную долю среди всех сочетаний каждого конкретного сущ. с предлогом **под** (92 % — **под тяжестью**, 90 % — **под гнетом**, 93 % — **под бременем**, 74 % — **под грузом**), ср. с не «заподозренным» в грамматикализации сочетанием **под кроватью** (присоединяет р.п. лишь в 4 % случаев). Разумеется, это связано с семантикой существительных, однако даже конкретно-предметные существительные могут употребляться в функции предлога: *Тогда под сапогом третьего рейха за несколько лет погибло 6 миллионов евреев.*

При сопоставлении со всеми употреблениями лексемы (+ р. п.) оказалось, что относительная частотность изучаемых ПЕ не очень высока (18 % — **под тяжестью**, 34 % — **под гнетом**, 15 % — **под бременем**, 17 % — **под прессом**), однако по сравнению с «контроль-

ным» сочетанием *под кроватью* (2 %) их доля кажется значимой и может свидетельствовать об определенной устойчивости ПЕ.

Ядерными, наиболее грамматикализированными ПЕ данной подгруппы являются *под гнетом* и *под бременем*, к наименее грамматикализированным можно отнести низкочастотные *под грузом* и *под прессом*.

2.2. Подгруппа «военное давление» — ПЕ *под огнем*, *под обстрелом*, *под ударами* / *под ударом* (см. табл. 2): *В конце первого тысячелетия вся Европа оказывается под ударами неведомых до толе викингов-норманнов; Гораздо важнее... бережно относиться к людям, в том числе и к тем, кто, будучи на виду, под огнем критики достойно несет свое бремя...; Однако необходимо отметить, что в США под ударом кредитных неурядиц оказались и многие хорошие компании; Пройдемте, товарищи, — и троица проследовала через класс под обстрелом насмешливых взглядов: ай да Сынок, какой эскорт его сопровождает... . Отметим наличие морфосинтаксической парадигмы по числу (*под ударами* / *под ударом*), что свидетельствует о слабой грамматикализации. ПЕ данной группы также пересекаются с каузативными ПЕ, во многих контекстах выражая каузатив: *Предыдущий директор ЦРУ — Джордж Тенет — в начале июня под огнем критики, вызванной неверными сведениями спецслужб об ОМП в Ираке, подал прошение об отставке.**

Метафоризация проявляется в контекстах типа:

- *под ударами* судьбы, стихии, жизни, кризиса, критики, испытаний, реформы, травли, реальности, обстоятельств, фашизма, дефицита, болезни, совести;
- *под огнем* «дешевенького интеллигентского скептицизма», критики, газетной травли, политических страстей, перекрестного допроса, опасностей;
- *под ударом* судьбы, наркомании, кризиса, неурядиц, наркоагрессии, инфляции, экономики, катастрофы, упрёка, случая, поражения;
- *под обстрелом* насмешливых взглядов, недружелюбных взглядов, чужих / насмешливых глаз, сотен / десятка глаз, критики.

Как видно из данных табл. 2, ПЕ этой группы гораздо менее грамматикализированы. Наиболее частотной, устойчивой (при сопоставлении с исходным сочетанием и с исходной лексемой) и метафоризированной (17 %) является ПЕ *под ударами*, поэтому ее можно считать наиболее грамматикализованной в подгруппе. ПЕ *под огнем*, *под ударом*, *под обстрелом* менее частотны, устойчивы и метафоризированы (за исключением *под обстрелом*), однако и они проявляют небольшие признаки грамматикализации в сравнении с «контрольным» примером.

Характеристика ПЕ подгруппы «военное давление»

	ПЕ	общая частотность ПЕ, <i>irp</i> (<i>под огнем</i> + р.п.)	частотность сочетания (<i>под огнем</i>), <i>irp</i>	относительная частотность ПЕ среди сочетаний	частотность лексем (любая форма <i>огонь</i> + р.п.), <i>irp</i>	относительная частотность ПЕ среди употреблений лексем	доля метаф. употреблений, %
1	под ударами	1,55	1,74	89%	12,01	13%	17%
2	под огнем	0,72	1,62	44%	20,2	4%	8%
3	под ударом	0,32	0,66	48%	14,32	2%	15%
4	под обстрелом	0,14	0,67	21%	2,25	6%	25%
	контрольный пример <i>под ружьем</i>	0,02	0,78	3%	2	1%	–

3.3. Подгруппа «природные условия» — низкочастотные конструкции *под лучами, под градом, под солнцем, под ветром*² (см. табл. 3): Но «Единая Россия», даже располагая этим гандикапом, имеет волю *под градом* критики встать и идти к избирателям; Каннский фестиваль... тогда выиграла очень спорная лента Мориса Пиала «*Под солнцем сатаны*»; Начались дни нездешней жизни — жизни *под лучами* Любви, забыта была земля; ЮРКА. За год четыре дома на нашей улице снесли, а этот стоит. ДИМКА. И даже не дрожит *под ветром* эпохи. Эпоха, ребята, мимо идет.

Метафоризация проявляется в контекстах типа:

- *под солнцем* мира, свободы, капитализма, сталинского руководства, Великой социалистической революции, идей Мао-Цзэдуна, любви;
- *под ветром* эпохи, сомнений, современности, дальних странствий;
- *под лучами* любви, сыновьей ласки, монарших милостей, ласковых взглядов, критической мысли, Вашего юмора;
- *под градом* невзгод, укоризн, бедствий, упреков, обид, ругательств, ненавистных взглядов, запретов, обличений, попыток, забот, обвинений, усмешек, критики.

Отметим, что единица *под градом* аналогична ПЕ подгруппы «военное воздействие» и, вероятно, именно через военную метафо-

² Мы искренне благодарим глубокоуважаемого рецензента, который показал, что в данную группу могут быть включены также единицы *под шквалом, под вихрем, под ураганом*.

ру (ср. *град стрел, выстрелов*) она начала превращаться в ПЕ со значением ситуатива и продолжает развиваться в сторону каузатива.

Таблица 3

Характеристика ПЕ подгруппы «природные условия»

	ПЕ	общая частотность ПЕ, ipm (под лучами + р.п.)	частотность сочетания (под лучами), ipm	относительная частотность ПЕ среди сочетаний	доля метаф. употреблений, %
1	под лучами	0,87	0,91	96%	4
2	под градом	0,55	0,6	92%	20
3	под солнцем	0,27	3,93	7%	25
4	под ветром	0,08	1,73	5%	85
	Контрольный пример: <i>под снегом</i>	0,01	1,89	0,5%	–

Для данной группы технически трудно изучить относительную частотность ПЕ по сравнению с лексемой-источником, так как более чем 50 % употреблений являются «шумом». ПЕ подгруппы «природные условия» находятся в начальной стадии грамматикализации: они низкочастотны. Признаками их грамматикализации можно считать устойчивость (96 и 92 %) ПЕ *под лучами* и *под градом*; высокую долю метафорических употреблений ПЕ *под ветром*, нивелируемую, однако, низкой общей частотностью; долю метафоризированных употреблений ПЕ *под градом* и *под солнцем* (20 и 25 %); а также их более высокую устойчивость и частотность по сравнению с «контрольным» примером.

Заключение

Группа ПЕ, выражающих ситуатив, представляет собой семейство конструкций, находящихся на разной степени грамматикализации и образующихся по аналогии. Наиболее грамматикализованными являются ПЕ подгруппы «физическое давление», затем следуют ПЕ подгруппы «военное давление» и слабо грамматикализованные ПЕ «природные условия». ПЕ двух первых подгрупп находятся на пересечении с полем каузатива и развиваются в сторону более абстрактного значения причины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксарина Н.А., Басова Л.В. Семантизация отыменного предлога В ОБХОД в речевой практике XIX–XXI вв. // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2023. № 85. С. 5–19.
2. Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50.
3. Виноградова Е.Н. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог ПО) // Вопросы языкознания. 2023. № 1. С. 54–87.
4. Виноградова Е.Н. Система против или против системы: русские наречные предлоги и проблемы классификации предлогов // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2024. № 89. С. 29–53.
5. Всеволодова М.В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 103–135.
6. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М., 2014.
7. Зеленин А.В., Руднев Д.В. «Что значит этот фон»: история грамматикализации предложно-падежной формы на фоне // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2021. № 74. С. 43–60.
8. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2001.
9. Конюшкевич М.И. Предложные сочетания с конфирмативной семантикой в русском и белорусском языках: списочный состав, семантика, типология // Памяти А.А. Поликарпова / под ред. М.Л. Ремневой. М., 2015. С. 224–240.
10. Конюшкевич М.И. Функционально-грамматическое поле скреп, образованных от предложных единиц с лексемой *вопрос* // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2024. № 1. С. 2–9.
11. Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. 3. Части речи и лексико-грамматические классы / отв. ред. В.А. Плунгян. СПб., 2018.
12. Шереметьева Е.С. Релятивные свойства словоформы «в русле» (к вопросу о грамматикализации предложно-падежных словоформ) // Вестн. Курганского гос. ун-та. 2019. № 1 (52). С. 135–138.
13. Brinton L., Traugott E. Lexicalization and language change. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
14. Gainutdinova A.F., Troshkina T.P., Gabdreeva N.V. Russian Preposition Grammar: on the Variability of Position in the Syntaxeme // Cuadernos de Rusística Española, 2024. № 20. pp. 103–112.
15. Janda L.A., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian constructicon // Constructions and frames. 2023. Volume 15. issue 1. pp. 1–58.
16. Kolyaseva A. The Russian prepositional TIPA and VRODE in online student discourse: evidence of attraction // Linguistics. 2022. Vol. 60. № 5. pp. 1451–1485.
17. Zhukova V., Janda L.A. Russian grammar as a constructicon: beyond a list // Russian Linguistics. 2024. 48, 15.

ИСТОЧНИКИ

1. Бурцева В.В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М., 2010.
2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001.
3. НКРЯ — Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru>
4. Russian constructicon — <https://constructicon.ruscorpora.ru>

REFERENCES

1. Aksarina N.A., Basova L.V. Semantizatsiya otymennogo predloga V OBKhOD v rechevoi praktike XIX–XXI vv. [The semantization of the denominal preposition “obkhod” in the Russian speech of the 19th-21st centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2023, № 85, pp. 5–19. (In Russ.). doi: 10.17223/19986645/85/1
2. Vinogradova E.N. Grammatikalizatsiya v russkom yazyke: ot formy sushchestvitel'nogo k predlogu (na materiale somatizmov) [Grammaticalization in Russian: from noun to preposition (a case study of body part names)]. *Voprosy yazykoznaviya*, 2016, 1, pp. 25–50. (In Russ.)
3. Vinogradova E.N. Grammatikalizatsiya, leksikalizatsiya i pragmatikalizatsiya (na materiale konstruktсии, vkluchayushchikh predlog PO) [Grammaticalization, lexicalization, and pragmatization: Russian constructions with the preposition PO]. *Voprosy yazykoznaviya*, 2023, 1, pp. 54–87. (In Russ.). doi: 10.31857/0373-658X.2023.1.54-87
4. Vinogradova E.N. Sistema protiv ili protiv sistemy: russkie narechnye predlogi i problemy klassifikatsii predlogov [The system is against or against the system: Russian adverbial prepositions and other polyfunctional units]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2024, 89, pp. 29–53. (In Russ.). doi: 10.17223/19986645/89/2
5. Vsevolodova M.V. K voprosu ob operatsional'nykh metodakh kategorizatsii predlozhnykh edinit [Towards operational criteria of prepositional units categorization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2011, 3, pp. 103–135. (In Russ.)
6. Vsevolodova M.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Vvedenie v ob'ektivnyuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinit. Kniga 1* [Russian Prepositions and Prepositional-Type Means. Materials for a Functional and Grammatical Description of Actual Usage: An Introduction to the Objective Grammar and Lexicography of Russian Prepositional Units. Book 1]. Moscow, Editorial URSS publ., 2014. 304 p. (In Russ.)
7. Zelenin A.V., Rudnev D.V. «Chto znachit etot fon»: istoriya grammatikalizatsii predlozhno-padezhnoi formy “na fone” [“What Does This Fon Mean?”: The History of Grammaticalization of the Prepositional Case Form Na Fone]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2021, 74, pp. 43–60. (In Russ.). doi: 10.17223/19986645/74/3
8. Zolotova G.A. *Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinit russkogo sintaksisa* [Syntactic Dictionary: The Repertoire of Elementary Units of Russian Syntax]. Moscow, Editorial URSS publ., 2001. 440 p. (In Russ.)
9. Konyushkevich M.I. Predlozhnye sochetaniya s konfirmativnoi semantikoi v russkom i belorusskom yazykakh: spisochnyi sostav, semantika, tipologiya [Prepositional

- Constructions with Confirmative Semantics in Russian and Belarusian: Inventory, Semantics, Typology]. In: *Pamyati A.A. Polikarpova*. M.L. Remneva (ed.). Moscow: MGU Publ., 2015. pp. 224–240. (In Russ.)
10. Konyushkevich M.I. Funktsional'no-grammaticheskoe pole skrep, obrazovannykh ot predlozhnykh edinits s leksemoi *vopros* [Functional–Grammatical Field of Staples, formed from Prepositional units with the Lexeme *Vopros*]. *Professorskii zhurnal. Seriya: russkii yazyk i literatura*, 2024, 1, pp. 2–9. (In Russ.)
  11. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Vypusk 3. Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy* [Materials for a Corpus Grammar of the Russian Language. Issue 3: Parts of Speech and Lexico-Grammatical Classes]. V.A. Plungyan (ed.). Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya publ., 2018. 472 p. (In Russ.)
  12. Sheremet'eva E.S. Relyativnye svoistva slovoformy «v rusle» (k voprosu o grammatikalizatsii predlozhno-padezhnykh slovoform) [Relational Properties of the Word Form *v rusle* ('in the mainstream'): On the Grammaticalization of Prepositional-Case Word Forms]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 1(52), pp. 135–138. (In Russ.)
  13. Brinton L., Traugott E. *Lexicalization and language change*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
  14. Gainutdinova A.F., Troshkina T.P., Gabdreeva N.V. Russian Preposition Grammar: on the Variability of Position in the Syntaxeme. *Cuadernos de Rusística Española*, 2024, 20, pp. 103–112. <https://doi.org/10.30827/cre.v20.30504>
  15. Janda L.A. Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian constructicon. *Constructions and frames*, 2023, 15, 1, pp. 1–58. <https://doi.org/10.1075/cf.00066.jan>
  16. Kolyaseva A. The Russian prepositional TIPA and VRODE in online student discourse: evidence of attraction. *Linguistics*, 2022, 60(5), pp. 1451–1485. <https://doi.org/10.1515/ling-2021-0004>
  17. Zhukova V., Janda L.A. Russian grammar as a constructicon: beyond a list. *Russian Linguistics*, 2024, 48, 15. <https://doi.org/10.1007/s11185-024-09298-z>

SOURCES

1. Burtseva V.V. *Slovar' narechii i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Adverbs and Function Words of the Russian Language.]. Moscow: Drofa publ., 2010.
2. Efremova T.F. *Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Function Words of the Russian Language]. Moscow: Russkii yazyk publ., 2001.
3. NKRYa — *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian national corpora] <https://ruscorpora.ru>
4. *Russian constructicon* — <https://constructicon.ruscorpora.ru>

Поступила в редакцию 09.02.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 09.02.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРАХ

Екатерина Николаевна Виноградова — д.ф.н., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ekaterinavin@mail.ru

Хань Сюэ — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; [wanxihx@163.com](mailto:waxihx@163.com)

ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina N. Vinogradova — Prof. Dr., Associate Professor, Department of Russian Language for Foreign Students in the Humanities, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ekaterinavin@mail.ru

Han Xue — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; [wanxihx@163.com](mailto:waxihx@163.com)

ГРАММАТИКА 1721 Г. КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ФЕДОРА ПОЛИКАРПОВА

М.Л. Ремнёва, Е.А. Кузьминова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; m.l.remneva@mail.ru, elenk2002@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена реконструкции лингвистической программы Федора Поликарпова, получившей воплощение в третьем издании грамматики Мелетия Смотрицкого 1721 г. (Г1721), которое было подготовлено в результате переработки и дополнения двух предшествующих изданий 1619 г. (ГС) и 1648 г. (ГМ). Ключевым принципом грамматической нормализации Федора Поликарпова является «употребление <...> по настоящему времени смотря», то есть в современной ему книжно-языковой практике. В соответствии с этим принципом он проводит в Г1721 «разчищение» и «разширение» церковнославянского языка. Устранению («разчищению») подвергаются те формы и конструкции, которые «ныне не во употреблении»: стяженные формы сослагательного наклонения (западнославянского типа *члѣстѣ, члѣсы*), аориста от глаголов с исходом основы на -а без форманта -тъ (типа *заклѣ*), формы «мимошедшего» времени (типа *бѣлахъса*), формы двойственного числа, им. п. мн. ч. указательного местоимения *ти* и др. Пестрота реального «употребления» петровского времени отражается в Г1721 в «разширении» грамматической вариативности, что достигается разными способами: при расхождении нормализаторских решений ГС и ГМ Федор Поликарпов чаще отдает предпочтение тому изданию грамматики, в котором кодифицированы варианты, либо объединяет предписанные ГС и ГМ формы на правах равнозначных вариантов; при тождественности же исходных форм ГС и ГМ Федор Поликарпов вводит в Г1721 вторую, новую по сравнению с предыдущими изданиями грамматики форму. Кодификация во многих грамматических позициях вариантных форм: архаичных и инновационных, стандартных и нестандартных — предоставляет возможность выбрать требуемую форму для каждого контекста, что в конечном счете приводит к формированию стилистически обработанного и разнообразного церковнославянского языка.

Ключевые слова: история славяно-русской грамматической традиции; церковнославянский язык; грамматическая норма

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-2

Для цитирования: Ремнёва М.Л., Кузьминова Е.А. Грамматика 1721 г. как реализация лингвистической программы Федора Поликарпова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 22–30.

GRAMMAR OF 1721 AS AN IMPLEMENTATION OF FYODOR POLIKARPOV'S LINGUISTIC PROGRAM

Marina L. Remneva, Elena A. Kuzminova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; m.l.remneva@mail.ru, elenk2002@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the reconstruction of Fyodor Polikarpov's linguistic program, embodied in the third edition of Meletiy Smotritsky's grammar of 1721 (G1721), which was prepared as a result of the revision and addition of two previous editions in 1619 (GS) and 1648 (GM). The key principle of Fyodor Polikarpov's grammatical normalization is "usage <...> to the present time", that is, in his contemporary book and language practice. In accordance with this principle, he conducts a "cleansing" and "broadening" of the Church Slavonic language in G1721. Those forms and constructions that are "currently not in use" are being eliminated ("cleaned up"): the conjugated forms of the subjunctive mood (of the West Slavic type ЧЛѢСТѢ, ЧЛІСМЫ), the aorist of verbs with the outcome of the base on -А without the formant -ТЬ (ЗАКЛА), the past tense forms (type БІАДХУСА), the dual number forms, the nom. pl. demonstrative pronoun ТИ etc. The diversity of the real "usage" of Peter's time is reflected in 1721 in the "expansion" of grammatical variation, which is achieved in different ways: when the normalization solutions of GS and GM differ, Fyodor Polikarpov more often prefers the grammar edition in which the variants are codified, or combines the prescribed GS and GM forms as equivalent variants; when the original forms are identical, Fyodor Polikarpov introduces the second grammar form in G1721, which is new compared to previous editions. Codification of variant forms in many grammatical positions, archaic and innovative, standard and non-standard, provides an opportunity to choose the required form for each context, which ultimately leads to the formation of a stylistically processed and diverse Church Slavonic language.

Keywords: history of the Slavic-Russian grammatical tradition; Church Slavonic language; grammatical norm

For citation: Remneva M.L., Kuzminova E.A. (2026) Grammar of 1721 as an Implementation of Fyodor Polikarpov's Linguistic Program. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 22–30.

Петровская эпоха, характеризующаяся радикальными социокультурными трансформациями, ознаменовала собой и существенные изменения в развитии славяно-русской грамматической традиции. В этот период наблюдается целенаправленное внедрение грамматической образованности на государственном уровне. Согласно «Духовному регламенту» 1721 года, епархиальным архиереям предписывалось учреждать при архиерейских домах учебные заведения для детей мужского пола, что способствовало формированию системы школьного образования [Пекарский 1862: 108–121; Владимирский-Буданов 1874: 101–103]. Обязательность интеграции

славянской грамматики в учебные программы новых образовательных учреждений была закреплена специальными указами Петра I от 1723 и 1724 гг. [Флоровский 1996: 379].

В целях обеспечения образовательного процесса было инициировано новое, третье, издание грамматики Мелетия Смотрицкого «**Грамматика**» (М.: Синодальная тип., февраль 1721 [без имени автора]) (далее Г1721). Первое издание этой фундаментальной грамматики церковнославянского языка «**Грамматики Славѣнския правїльное Сѣнтагма**» (далее ГС) было опубликовано в 1619 г. в Евье. В 1648 г. на Московском Печатном дворе в результате осознания необходимости последовательной языковой нормализации для решения задач книжной sprawy было предпринято ее второе, переработанное и дополненное издание — «**Грамматика**» (М.: Печ. двор, 1648 [без имени автора]) (далее ГМ). Третье издание было подготовлено Федором Поликарповым, непререкаемым авторитетом в области славянской книжности и нормы церковнославянского языка в первой трети XVIII в., переводчиком, справщиком, педагогом, директором Московского Печатного двора на протяжении почти 30 лет.

Осуществляя очередное издание грамматики, Федор Поликарпов исходил из необходимости в условиях интенсивной секуляризации культуры в начале XVIII в. новой «охранительной» филологической работы над церковнославянским языком — традиционным для культуры конфессиональной. Г1721 была призвана отразить современное состояние церковнославянского языка и дать его более строгую нормализацию.

Ключевые принципы, которыми Федор Поликарпов руководствовался при работе над новым изданием грамматики Мелетия Смотрицкого, были сформулированы им в черновом варианте предисловия (черновой тетради — РГАДА, ф. 381, №1241): **а понеже Гдѣ Ѹ поспѣшествѹющѹ славенскїй нашъ діалектѹ со време^н паче и паче разширѣтсѹ и разчищѣтсѹ и Ѹже во сто лѣтѹ во³расте нїѹ въ лѹчшее израждство, тогѡ ради по настоящемѹ времени смотрѹ ко древнѹй Грамматїцѹ нѣкам малам правила приложисѹ, нѣкам же древнѹм Ѡмшасѹ за неѹпотребленїе** [цит. по: Поликарпов 2000: 89]. По мысли Федора Поликарпова, церковнославянский язык представляет собой явление не статичное, а изменяющееся. При этом развитие языка определяется его постоянным совершенствованием в соответствии с Божьим промыслом. Г1721 должна зафиксировать это совершенствование языка, его «**разширенїе**» и «**разчищенїе**» за последние сто лет, прошедшие после выхода первого издания [Кузьминова 2020: 151].

Декларированная Федором Поликарповым установка на «разчищеніе» церковнославянского языка получает реализацию в изменении нормативного статуса ряда специфически книжных грамматических форм и конструкций, которые в Г1721 признаются мало- или неупотребительными и сопровождаются соответствующим комментарием либо устраняются. Такому «разчищенію» были подвергнуты: форма И. п. мн. ч. указательного местоимения **тн: тн нынѣ не оупотребляютса** (л. 97); формы единственного и двойственного числа собирательных числительных **двѡн, трѡн, четвѣро: аще оупотребляють по дрѣвнемѡ и хъ обываю едннственнымъ и двѡйственнымъ числами и скланяются, обаче нынѣ блгтїю бжїею славенскѡ азыкѡ разчищающеса, возмнѣса сѣ быти неправнльно** (л. 85); формы двойственного числа: **Славяне аже во Имене х, сице и во Глѣхъ двѡйственное имѡтъ число, по всѣмъ трѣмъ родѡмъ, во всѣхъ трѣхъ лицѣхъ скланяемое, по дрѣвнемѡ обываю ѿ грекѡ взѡтомѡ, обаче нынѣ мало оупотребляемо, множественномѡ числѡ сѣа наполняющѡ** (л. 111); формы «мимошедшего» времени: **Мимошедшее естъ, имже дрѣвле совершеннѡ прешедшее дѣйство или страданїе знаменемъ: аkw, бѣахъ, бѣахъса, или бѣанъ бывахъ. [обаче нынѣ не во оупотребленїи, прешедшемѡ и непредѣленномѡ мѣсто сѣа наполняющѡ]** (л. 112 об.); формы аориста от глаголов с исходом основы на -а без форманта -тъ: **закла, запла, зача и симъ подобнїи <...> нынѣ не оупотребляютса** (л. 117).

Федор Поликарпов последовательно избавляется от стяженных по юго-западному образцу форм сослагательного наклонения (типа **члѣстѣ, члїсмы**), которые были кодифицированы Мелетием Смотрицким и воспроизведены московскими редакторами ГМ. В нормировании такого рода форм в ГС можно усматривать влияние «простой мовы», где с конца XVI в. появляются формы, в которых личные окончания из вспомогательного глагола-связки переместились к смысловому глаголу: *виделехмы / виделехмо / виделесмы* и т. п. Возникновение подобных образований исследователи объясняют воздействием польского языка [см. Смирнова 2015: 53]. Сохранение форм типа **члѣстѣ** в ГМ связано, по всей видимости, с тем, что они были чужды разговорной речи московских справщиков и поэтому могли быть восприняты ими как специфически книжные. Примечательно при этом, что, несмотря на сохранение западнорусских форм в ГМ, они, судя по всему, оставались лишь частью грамматической теории и не применялись московскими книжниками в реальной книжно-языковой практике [см. Пентковская 2019: 254].

Отказываясь от стяженных форма, Ф. Поликарпов заменяет их аналитическими, образованными л-формой в сочетании с формой

настоящего времени глагола **выти** типа **члѣ ѣстѣ, члѣ ѣсмы** и т. п., ср.:

	ГС	ГМ	Г1721
1 л. дв.ч. м., с.р.	ѣще бы члѣсва	ѣще бѣ члѣсма	ѣще бѣ члѣ ѣсма
2 и 3 л. дв.ч. м., с.р.	члѣста	члѣста	члѣ ѣста
1 л. дв.ч. ж.р.	ѣще бы члѣсвѣ	ѣще бѣ члѣсмѣ	ѣще бѣ члѣ ѣсмѣ
2 и 3 л. дв.ч. ж.р.	члѣстѣ	члѣстѣ	члѣ ѣстѣ
1 л. мн.ч.	ѣще бы члѣсмы	ѣще бы члѣсмы	ѣще бы члѣ ѣсмы
2 л. мн.ч.	члѣсте	ѣще бѣ члѣсте	члѣ ѣсте

(л. 128, 194, 120; ср. также л. 128 об., 194 об., 120 об.; 129, 195 об., 121; 137, 205, 129 об.; 137, 205 об., 130; 138, 206 об., 131).

1 л. дв.ч. м., с.р.	ѣще бы творѣласва	ѣще бѣ творѣласма	ѣще бѣ творѣла ѣсма
1 л. дв.ч. ж.р.	ѣще бы творѣлѣсвѣ	ѣще бѣ творѣлѣсмѣ	ѣще бѣ творѣлѣ ѣсмѣ
1 л. мн.ч.	ѣще бы творѣлѣсмы	ѣще бы творѣлѣсмы	ѣще бы творѣлѣ ѣсмы
2 л. мн.ч.	творѣлѣсте	творѣлѣсте	творѣлѣ ѣсте

(л. 147, 217, 140 об.–141; ср. также л. 148 об., 218, 141 об.)

Установка Федора Поликарпова на «**разширеніе**» церковнославянского языка получила реализацию в расширении диапазона вариативности. Наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в сфере именного склонения, где в Г1721, по сравнению с ГС и ГМ, увеличивается количество позиций, в которых нормируются варианты флексии. Работая над отдельными парадигмами, Федор Поликарпов сопоставлял решения, принятые в ГС и ГМ, с собственными нормативными представлениями. При расхождении ГС и ГМ Федор Поликарпов чаще отдает предпочтение тому изданию грамматики (ГС или ГМ), в котором были кодифицированы варианты. Так, например, в следующих грамматических позициях Ф. Поликарпов делает выбор в пользу ГС:

	Г1721=ГС	ГМ
И.п. ед.ч.	сѣѣна, ѣлѣ сѣѣни (л. 38, л. 41)	сѣѣна (л. 103 об.)
Р.п. ед.ч.	ѣвѣрѣца ѣ ѣвѣрѣци (л. 35 об., 38)	ѣвѣрѣци (л. 100 об.)
В.п. мн.ч.	ѣношы ѣ ѣноша (л. 34 об, 37)	ѣношы (л. 99 об.)
М.п. мн.ч.	ѣоннехѣ, ѣ ѣоннѣ ^х (л. 41, 44 об.)	ѣоннѣхѣ (л. 107)

Тогда как в других позициях утверждается решение, принятое московскими издателями ГМ, ср.:

	Г1721=ГМ	ГС
М.п. ед.ч.	<u>сѣ́ѣни</u> , <u>н</u> , <u>сѣ́ѣнѣ</u> (л. 38, 104)	<u>сѣ́ѣни</u> (л. 41)
З.п. ед.ч.	<u>сѣ́ѣне</u> , <u>и</u> <u>сѣ́ѣни</u> (л. 38, 104)	<u>сѣ́ѣни</u> (л. 41)
З.п. ед.ч.	<u>заповѣди</u> <u>и</u> <u>де</u> (л. 55 об., 120 об.)	<u>заповѣди</u> (л. 59 об.)
Р.п. мн.ч.	<u>заповѣдѣи</u> <u>и</u> <u>деи</u> (л. 56, 120 об.)	<u>заповѣдѣи</u> (л. 60)
Р.п. мн.ч.	<u>сѣ́ѣи</u> , <u>ѣи</u> (л. 37 об., 103)	<u>сѣ́ѣи</u> : (л. 40)
Р.п. мн.ч.	<u>ма́терѣи</u> , <u>ѣи</u> (л. 56 об., 121 об.)	<u>ма́терѣи</u> (л. 60 об.)

Принцип вариативности распространяется Федором Поликарповым и на те грамматические позиции, в которых ГС и ГМ предписывали единственное окончание. При тождественности флексий ГС и ГМ Ф. Поликарпов вводит в Г1721 вторую, новую по сравнению с предыдущими изданиями грамматики форму, ср.

	Г1721	ГС=ГМ
Д.п. ед.ч.	<u>сѣ́ѣни</u> <u>и</u> <u>ѣ</u>	<u>сѣ́ѣни</u> (л. 41, 103 об.)
И-З.п. мн.ч.	<u>до́ми</u> <u>и</u> <u>до́мове</u> (л. 54)	<u>до́ми</u> (л. 58, 118 об.)
Р.п. мн.ч.	<u>во́ннѣ</u> <u>и</u> <u>во́ннѣ</u> (л. 41)	<u>во́ннѣ</u> (л. 44 об., 107)
Р.п. мн.ч.	<u>о́тце</u> <u>и</u> <u>о́тцеѣ</u> (л. 44 об.)	<u>о́тцеѣ</u> (л. 48, 111)
Р.п. мн.ч.	<u>мра́вѣи</u> <u>и</u> <u>вѣѣѣ</u> (л. 62 об.)	<u>мра́вѣи</u> (л. 67, 127)
Р.п. мн.ч.	<u>зна́менѣи</u> <u>и</u> <u>неи</u> (л. 65)	<u>зна́менѣи</u> (л. 70, 130)
Р.п. мн.ч.	<u>господеѣ</u> <u>и</u> <u>лѣ</u> <u>госпѣ</u> (л. 68)	<u>го́сподеѣ</u> (л. 73, 132)
Д.п. мн.ч.	<u>господе́ѣмѣ</u> <u>и</u> <u>лѣ</u> <u>господа</u> ^м (л. 68)	<u>Го́споде́ѣмѣ</u> (л. 73 об., 132)
Т.п. мн.ч.	<u>словесѣ</u> <u>и</u> <u>а́ми</u> (л. 49)	<u>Словесѣ</u> (л. 53, 116 об.)

При несовпадении исходных окончаний ГС и ГМ они объединяются в Г1721 на правах равнозначных вариантов, ср.:

	Г1721	ГС	ГМ
Д-М.п. ед.ч.	<u>сносѣ</u> . <u>и</u> <u>хѣ</u> (л.33)	<u>Сно́сѣ</u> (л.35 об.)	<u>снохѣ</u> (л.97 об.)
Р.п. ед.ч.	<u>Мре́жа</u> <u>и</u> <u>жи</u> (л.34)	<u>Мре́жа</u> (л.36 об.)	<u>мре́жи</u> (л.98)
И.п. ед.ч.	<u>Самараньѣи</u> : <u>и</u> <u>а</u>	<u>Самараньѣи</u> (л.40 об.)	<u>самараньѣи</u> (л.103)
Д.п. ед.ч.	<u>Самараньѣи</u> : <u>и</u> <u>ѣ</u>	<u>Самараньѣи</u> (л.40 об.)	<u>самараньѣи</u> (л.103)
В.п. мн.ч.	<u>па́стырѣ</u> <u>и</u> <u>ри</u> (л.59 об.)	<u>па́стырѣ</u> (л.63 об.)	<u>па́стыри</u> (л.123 об.)
В.п. мн.ч.	<u>вра́чѣ</u> <u>и</u> <u>лѣ</u> <u>врачи</u> (л.67 об.)	<u>вра́чѣ</u> (л.72 об.)	<u>врачи</u> (л.131)
И-З.п. мн.ч.	<u>ѣреѣ</u> <u>и</u> <u>рен</u> (л.62)	<u>ѣреѣ</u> (л.66 об.)	<u>ѣреѣ</u> (л.126–126 об.)

Избранные Федором Поликарповым способы «разширенїа» церковнославянского языка дают основание пересмотреть распространенное мнение о большей близости Г1721 к первому изданию грамматики Мелетия Смотрицкого, чем ко второму [ср. Нимчук 1979: 100; Мечковская 1984: 44]. ГС и ГМ выступают как источники одного ряда, принимая, отвергая или комбинируя предписания которых, Федор Поликарпов воплощает собственные нормативные представления, выработанные им в процессе справщицкой и переводческой деятельности. Такой подход к кодификации проявляется и за пределами зоны вариативности. Так, например, в глагольной парадигме в 1 л. дв. ч. в Г1721 вслед за ГМ использованы форманты **-ма** (м. и с. р.) и **-мѣ** (ж. р.), образованные в результате контаминации исконных дуальных и плюральных форм [см. Кукушкина, Ремнёва 1984: 95], при этом в императиве вслед за ГС — суффикс **-ѣ**, ср.:

	Г1721	ГС	ГМ
1 л. дв.ч. м., с.р.	прочтѣма	прочтѣва	прочтѣма
ж.р.	прочтѣмѣ	прочтѣвѣ	прочтѣмѣ

(л. 119, 127, 193)

Широкая вариативность флексий и колебания при их кодификации в Г1721 отражают пестроту реальной языковой практики петровского времени, когда письменный язык представлял собой объединение языковых средств различных регистров «в едином пуле» [Живов 2000: 580]. Эти колебания выявляются при сопоставлении отдельных решений Федора Поликарпова. С одной стороны, он предписывает инновационные флексии (1) с формантом *a* в Д. п. и Т. п. мн. ч. **-амѣ** и **-ами** у существительных мужского и среднего рода: **господа^а**, **гѣдами**, **именами**, **словесами**, **знѡми**, **крагѣми**, **дрѣстами**, **віантами**; (2) **-вѣ** и **-ѣвѣ** в Р. п. мн. ч.: **Вѡннѣ**, **юрѡдвѣ**, **Прорѡкѣ**, **Римлѣмнѣ**, **дрѣстѣ**, **Віантѣвѣ**, **ѡтце**, **чвѡнце**, **іереевѣ**, **ходѣтаевѣ**, **мрѡвїевѣ**, **знѡевѣ**, **крагѣевѣ**, **любоѣдеевѣ**, а с другой — возвращает архаичные формы Р. п. ед. ч., И-В-(3). п. мн. ч. существительных женского рода и В. п. мн. ч. существительных мужского рода с исходом основы на мягких согласных с флексией **-а**, кодифицированные Мелетием Смотрицким в ГС и устраненные московскими редакторами в ГМ: **Мрѣжа**, **Стѣина**, **Ладїа**, **юноша**, **пѣстыря**, **свѣдїтеля**, **врача**, **іерѣя**. Поскольку последовательно ни одно из решений проведено не было (так, например, флексия Т. п. мн. ч. **-ами** вводится в Г1721 в несколько парадигм и в то же время устраняется из парадигмы слова **мрѡвїй**), речь может идти лишь об общих тенденциях. Вместе с тем кодификация во многих грамматических позициях вариантных форм: архаичных и инновационных,

стандартных и нестандартных — предоставляет возможность выбрать требуемую форму для каждого контекста, что в конечном счете приводит формированию стилистически обработанного и разнообразного церковнославянского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Владимирский-Буданов М.* Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. I. Ярославль, 1874.
2. *Живов В.М.* О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // *Слово в тексте и в словаре: сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна.* М., 2000. С. 567–581.
3. *Кузьминова Е.А.* Поликарпов-Орлов Федор // *Православная энциклопедия.* Т. 57. М., 2020. С. 149–153.
4. *Кукушкина О.В., Ремнёва М.Л.* Категории вида и времени русского глагола. М., 1984.
5. *Мечковская Н.Б.* Ранние восточнославянские грамматики / Под. ред. А.Е. Супруна. Минск, 1984.
6. *Німчук В.В.* Граматыка М. Смотрицького — перлина давнього мовознавства. Київ, 1979.
7. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862.
8. *Пентковская Т.В.* Сослагательное наклонение в поздних церковнославянских переводах восточнославянского происхождения // *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani.* Slavica Slovenica. Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani. Ljubljana, 2019. С. 241–256.
9. *Поликарпов Ф.П.* Технология. Искусство грамматики / Изд. и исслед. Е.Э. Бабаевой. СПб., 2000.
10. *Смирнова Е.А.* Условное наклонение в «простой мове» Евангелия В. Тяпинского около 1580 г. // *Slavistica Vilnensis.* 60. 2015. С. 51–59.
11. *Флоровский Г.* Петербургский переворот // *Из истории русской культуры.* Т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 1996. С. 349–424.

REFERENCES

1. Vladimirskii-Budanov M. Gosudarstvo i narodnoe obrazovanie v Rossii XVIII veka [The state and public education in Russia in the 18th century]. Ch. I. Yaroslavl, G.V. Falk Publ., 1874. 325 p. (In Russ.)
2. Zhivov V.M. O svyazannosti teksta, sintaksicheskikh strategiyakh i formirovaniy russkogo literaturnogo yazyka novogo tipa [On the coherence of the text, syntactic strategies and the formation of a new type of Russian literary language]. *Slovo v tekste i v slovare: sbornik statei k semidesyatiletiyu akademika Yu.D. Apresyana.* Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 567–581. (In Russ.)
3. Kuz'minova E.A. Polikarpov-Orlov Fedor [Polikarpov-Orlov Fedor]. *Pravoslavnnaya entsiklopediya.* T. 57. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr Pravoslavnnaya entsiklopediya Publ., 2020, pp. 149–153. (In Russ.)
4. Kukushkina O.V., Remneva M.L. Kategorii vida i vremeni russkogo glagola [Aspect and tense of Russian verbs]. Moscow, Moscow University Press, 1984. 121 p. (In Russ.)
5. Mechkovskaya N.B. Rannie vostochnoslavjanskije grammatiki [Early East Slavic Grammars] / Pod. red. A.E. Supruna. Minsk, Universitetskoe Publ., 1984. 157 p. (In Russ.)

6. Nimchuk V.V. Gramatyka M. Smotrity'skogo — perlina davn'ogo movoznavstva [Smotrity'sky's grammar is a pearl of ancient linguistics]. Kyiv, *Naukova dumka Publ.*, 1979. 111 p. (In Ukr.)
7. Pekarskii P.P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom [Science and Literature in Russia under Peter the Great]. T. I. Saint Petersburg, *Tovarishchestvo «Obshchestvennaya pol'za» Publ.*, 1862. 578 p. (In Russ.)
8. Pentkovskaya T.V. Soslagatel'noe naklonenie v pozdnykh tserkovnoslavyanskikh perevodakh vostochnoslavyanskogo proiskhozhdeniya [Subjunctive mood in late Church Slavonic translations of East Slavic origin]. *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani. Slavica Slovenica. Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani*. Ljubljana, 2019, pp. 241–256. (In Russ.)
9. Polikarpov F.P. Tekhnologiya. Iskusstvo grammatiki [Technology. The Art of Grammar] / Izd. i issled. E.E. Babaevoi. Saint Petersburg, *INAPRESS Publ.*, 2000. 373 p. (In Russ.)
10. Smirnova E.A. Uslovnoe naklonenie v «prostoi move» Evangelija V. Tyapinskogo okolo 1580 g. [Conditional mood in the «simple speech» of V. Tyapinsky's Gospel around 1580]. *Slavistica Vilnensis*, 2015, no 60, pp. 51–59. (In Russ.)
11. Florovskii G. Peterburgskii perevorot [The Petersburg Coup]. *Iz istorii russkoi kul'tury*. T. IV (XVIII — nachalo XIX veka). Moscow, *Yazyki russkoi kul'tury Publ.*, 1996, pp. 349–424. (In Russ.)

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРАХ

Марина Леонтьевна Ремнёва — д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; m.l.remneva@mail.ru

Елена Александровна Кузьминова — д.ф.н., доцент, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; elenk2002@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Marina L. Remneva — Prof. Dr., Head of the Department of Russian Language, President of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; m.l.remneva@mail.ru

Elena A. Kuzminova — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; elenk2002@mail.ru

ПРИЗНАКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЧИНЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ОБЩЕЙ СТРУКТУРОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К.А. Студеникина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; xeanst@gmail.com*

Аннотация: Работа посвящена изучению сочиненных конструкций с общей структурой в русском языке, то есть таких, в которых общий элемент, называемый осью, объединяет две или более синтаксических структуры, связанных сочинением. С точки зрения формального синтаксиса особый интерес представляют их признаковые характеристики. Если признаки, приписываемые каждым конъюнктом, совпадают, ось может получить либо данное значение, либо сумму приписываемых значений. В том случае, если ось получает различные значения признаков в каждом конъюнкте, возникает конфликт. В зависимости от ряда факторов он может разрешиться или привести к краху деривации. Мы проанализировали влияние таких факторов, как наличие эффекта синкретизма (при различии граммем формы различаются или совпадают), устройство системы признаков (привативная / эквиполентная), конкретный класс признака (число, падеж), конкретное значение признака (означен / не означен), способ означивания (регулярный / супплетивный). Для сбора данных использовались методы экспериментального синтаксиса. Результаты исследования показывают, что оптимальным анализом для русских конструкций с общей структурой является множественное подчинение. Признаки падежа и числа устроены эквиполентно. При управлении ось получает падеж, приписываемый ближайшим конъюнктом. Для согласования по числу возможны две стратегии: копирование признака единственного числа на существительное (для конъюнктов единственного числа) либо приписывание множественного числа, вычисленного как сумма признаков конъюнктов (оба единственного числа либо первый конъюнкт единственного, а второй множественного числа).

Ключевые слова: сочиненные конструкции; множественное подчинение; означивание признаков; экспериментальный синтаксис; русский язык

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-3

Для цитирования: Студеникина К.А. Признаковые характеристики сочиненных конструкций с общей структурой в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 31–46.

FEATURES OF COORDINATED CONSTRUCTIONS WITH THE SHARED STRUCTURE IN RUSSIAN

Kseniia A. Studenikina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; xeanst@gmail.com

Abstract: This paper examines Russian coordinated constructions with the shared structure, where the pivot combines two or more coordinated elements. In formal syntax literature they are usually called Right Node Raising constructions. The study focuses on the pivot feature valuation. If the features assigned by each conjunct match, the shared element can either copy this value or calculate the sum of the values. If the pivot receives different feature values from each conjunct, a conflict emerges. It can either be resolved or cause the derivation crash depending on a range of factors. This paper analyzes the impact of the syncretism effect (whether the forms with different grammemes match or differ), the feature system (privative / equipollent), the feature class (number / case), the feature value (valued / unvalued), the valuation method (regular / suppletive). The study employs experimental syntax methods. We argue that the derivation of Russian constructions with the shared structure is best analyzed via multidominance. Case and number feature oppositions are equipollent. The pivot receives the case assigned by the closest conjunct. Two number agreement strategies are possible: either copying the singular feature onto the noun (for singular conjuncts) or assigning a plural number computed as the sum of the conjunct features (either two singular conjuncts or the closest plural conjunct).

Keywords: coordinated constructions; multidominance; feature valuation; experimental syntax; Russian

Funding: This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037-II, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>, realized at Lomonosov Moscow State University.

For citation: Studenikina K.A. (2026) Features of Coordinated Constructions with the Shared Structure in Russian. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 31–46.

Сочиненные конструкции с общей структурой

К сочиненным конструкциям с общей структурой относятся конструкции, где элемент на периферии, называемый осью (от английского *pivot*), входит в состав одновременно двух и более конъюнктов. В англоязычной традиции это явление носит название подъема правого узла (*Right Node Raising*).

В качестве оси могут выступать единицы различной структуры [Postal 1974]: именные группы (DP, 1a), глагольные группы (VP¹, 1b), группы прилагательного (AdjP, 1c), клаузы (TP, 1d; CP, 1e). Отдельный случай представляет собой сочинение модификаторов в рамках именной группы, где в качестве общей структуры выступает существительное (NP)² [Shen 2018]. При этом конъюнктами могут быть прилагательные (AdjP, 2a), определители (D, 2b) и числительные (Num, 2c). Ось является зависимым в случае DP (1a), VP (1b), AdjP (1c), TP (1d), CP (1e) и вершиной в случае NP (2).

- (1) a. [_{CP} Никита изучает _____, [_& а [_{CP} Максим уже преподает _____ [_{DP} историю Древнего Рима]]]].
 b. [_{CP} Кирилл только начал _____, [_& а [_{CP} Иван уже закончил _____ [_{VP} делать домашнее задание]]]].
 c. [_{CP} Дом только выглядел _____, [_& а [_{CP} сарай действительно был _____ [_{AdjP} очень старым]]]].
 d. [_{CP} Мама увидела, куда _____, [_& а [_{CP} папа понял, зачем _____ [_{TP} ребенок убежал]]]].
 e. [_{CP} Я уверен _____, [_& но [_{CP} ты сомневаешься _____, [_{CP} что Виталий придет]]]].
- (2) a. Для полива сада Василий использовал [_{DP} [_{AdjP} длинные] _____ [_& и [_{DP} короткие _____] [_{NP} шланги из ПВХ]]].
 b. Для полива сада Василий использовал [_{DP} наши длинные _____ [_& и [_{DP} свои короткие _____] [_{NP} шланги из ПВХ]]].
 c. Для полива сада Василий использовал [_{NumP} пять длинных _____ [_& и [_{NumP} семь коротких _____] [_{NP} шлангов из ПВХ]]].

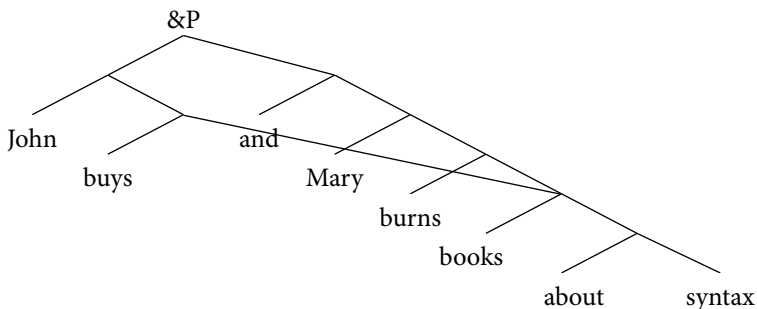
Для объяснения свойств конструкции с общей структурой выдвигались различные теоретические анализы [Grosz 2015]. Один из них предполагает, что деривация включает передвижение общей последовательности с созданием единой оси (АТВ-передвижение, 3a). При отсутствии извлечения анализ различается количеством копий оси: находится она в каждом конъюнкте, но озвучивается только во втором (эллипсис, 3b), или присутствует в виде одного разделяемого экземпляра (множественное подчинение, 3c).

- (3) a. [[John buys t₃], and [Mary burns t₃]] **books about syntax**₃.

¹ Традиционно считается, что модальные и фазовые глаголы относятся к предикатам подъема и присоединяют структуру уровня TP. Однако исследование Е.А. Лютиковой [2022] показывает, что в русском языке они отличаются от прототипических предикатов подъема и не создают клаузальной границы.

² Для данной конструкции возможны две интерпретации в зависимости от лексического наполнения [Heусock, Zamparelli 2005]. При совмещенной интерпретации именная группа обозначает одного индивида, которого одновременно характеризуют оба прилагательных. Расщепленная интерпретация подразумевает, что каждый модификатор создает единичную дескрипцию, то есть относится к разным индивидам. В дальнейшем нас будет интересовать только расщепленная интерпретация.

- b. [John buys ~~books about syntax~~], and [Mary burns **books about syntax**].
 c.

‘Джон покупает, а Мэри сжигает книги по синтаксису.’ [Grosz 2015: 2]

Ось выступает в качестве общей мишени для нескольких конъюнктов и представляет собой контекст множественного означивания признаков. Анализ с АТВ-передвижением требует полной идентичности признаков и предсказывает неграмматичность предложений, где в каждом из конъюнктов признаки различаются (глаголы управляют разными падежами, определения комбинируют разные числовые формы). При наличии эллипсиса различие морфологических характеристик не должно влиять на успешность деривации, ожидается согласование с ближайшим конъюнктом. Анализ с множественным подчинением предполагает, что конфликт признаков разрешается при озвучивании путем согласования с ближайшим конъюнктом либо вычисления суммы признаков.

В данной статье обобщаются результаты серии экспериментальных исследований, совокупность которых позволяет перейти к теоретическому анализу признакового взаимодействия в русских конструкциях с общей структурой, а также сделать выводы о системе признаковых оппозиций и механизмах разрешения конфликта между признаками.

Означивание признаков общей структуры в русском языке

Для анализа признаковых характеристик наиболее релевантны конструкции, для которых возможно варьирование морфологической формы оси в зависимости от структуры каждого конъюнкта. Если ось управляется со стороны конъюнкта, возникает варьирование падежных признаков. При наличии согласования с конъюнктами интерес представляют механизмы означивания признаков числа. Мы проанализировали признаковые характеристики общей структуры при управлении и согласовании в серии экспериментальных исследований. Каждое из них совмещает две экспериментальные

методики: опосредованную (оценка приемлемости) и непосредственную (чтение с саморегулирующей скоростью). Более подробное описание экспериментов приводится в статьях [Студеникина 2023, 2026; Studenikina 2022]. Ниже мы обобщим их результаты и предложим теоретический анализ, который способен объяснить полученные эмпирические данные.

В первую очередь мы рассмотрели конструкции, где существительное является общим объектом для сочиняемых предикатов. В то время как нормативные пособия запрещают сочинение глаголов с разным управлением при наличии общего дополнения (*верить* _____{Dat} *и ждать* _____{Gen} **наставления**_{Gen}), подобные примеры встречаются в учебных текстах [Джакупова, Зевахина 2014]. Предшествующие исследования утверждают, что употребление общего объекта возможно только в том случае, если форма, требуемая предикатом в каждом конъюнкте, полностью идентична по падежу (*верить* _____{Dat} *и внимать* _____{Dat} **наставлению**_{Dat}) либо омонимична при различии падежных характеристик (*верить* _____{Dat} *и ждать* _____{Gen} **речи**_{Gen}). А. Азарина [2011] делает уточнение, что падежный синкретизм способен разрешить конфликт признаков не во всех случаях, а только если падежи имеют некоторые структурные сходства. Данный вывод сделан при сравнении нейтрального типа синкретизма (номинатив-аккузатив) с неоднозначным (партигив-датив). Однако Я.Г. Тестелец [2011] показывает, что требование идентичности падежа распространяется на шестипадежную систему и не учитывает «периферийные» граммы.

Чтобы рассмотреть, позволяет ли неоднозначный тип синкретизма разрешить падежный конфликт в конструкциях с общей структурой, мы провели экспериментальное исследование. На рис. 1 представлены средние оценки для филлеров и стимульных предложений. Условия, заключенные в рамки со сплошным контуром, содержат глаголы с одинаковым управлением (4а–7а), а условия в рамках с пунктирным контуром — с разным управлением (4б–7б). Регрессионный анализ с помощью линейной смешанной модели показывает, что фактор соотношения падежа является значимым. Условия внутри рамок со сплошным контуром получают значительно более высокие оценки, чем внутри пунктирных. Данные условия также значительно отличаются от грамматичных и неграмматичных филлеров, то есть занимают среднюю позицию на шкале приемлемости. Предложения с существительными II склонения, у которых формы генитива и датива различаются, выделены черной линией (4–5). Примеры с существительными III склонения, у которых совпадает форма датива и генитива, обозначены серой линией (6–7).

Статистический анализ не выявляет значимой разницы в приемлемости существительных с синкретизмом форм и без него.

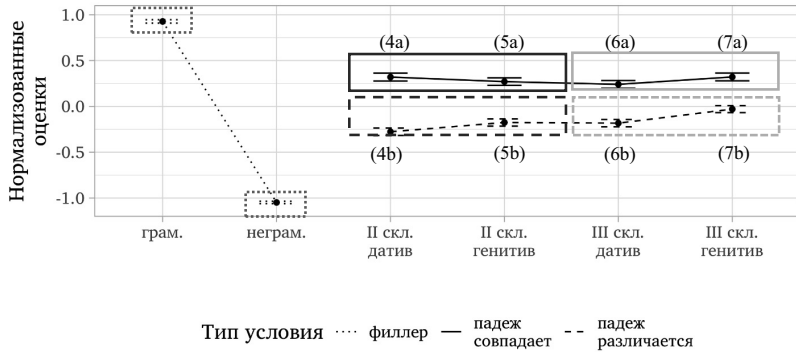

Рис. 1. Средние нормализованные оценки приемлемости

- (4) а. Сотрудники потакали _____Dat и сочувствовали _____Dat *промедлению*_____Dat своего коллеги.
 б. ??? Сотрудники остерегались _____Gen и сочувствовали _____Dat *промедлению*_____Dat своего коллеги.
- (5) а. Сотрудники остерегались _____Gen и стыдились _____Gen *промедления*_____Gen своего коллеги.
 б. ??? Сотрудники потакали _____Dat и стыдились _____Gen *промедления*_____Gen своего коллеги.
- (6) а. Сотрудники потакали _____Dat и сочувствовали _____Dat *медлительности*_____Dat своего коллеги.
 б. ??? Сотрудники остерегались _____Gen и сочувствовали _____Dat *медлительности*_____Dat своего коллеги.
- (7) а. Сотрудники остерегались _____Gen и стыдились _____Gen *медлительности*_____Gen своего коллеги.
 б. ??? Сотрудники потакали _____Dat и стыдились _____Gen *медлительности*_____Gen своего коллеги.

Средние значения времени чтения для существительного изображены на рис. 2. Статистический анализ показал, что ни один из экспериментальных факторов не оказывает влияния на время чтения объекта.

Результаты эксперимента демонстрируют, что рассматриваемые конструкции занимают среднюю область шкалы приемлемости, значимо отличаясь от грамматичных и неграмматичных филлеров. Сочинение сказуемых с одинаковым падежным управлением значимо более приемлемо, однако предложения с различным управлением предикатов также не являются абсолютно неграмматичными. Эффект синкретизма не был обнаружен: при сочинении дативного и генитивного глаголов в любом порядке приемлемость предложения

не зависит от того, присутствует в нем существительное III склонения с омонимией форм или II склонения без омонимии. При анализе времени чтения не было выявлено ни одного значимого контраста. Таким образом, падежный конфликт при подъеме правого узла в глагольной области не приводит к краху деривации, и эффект синкретизма не наблюдается для структурно несвязанных падежей.

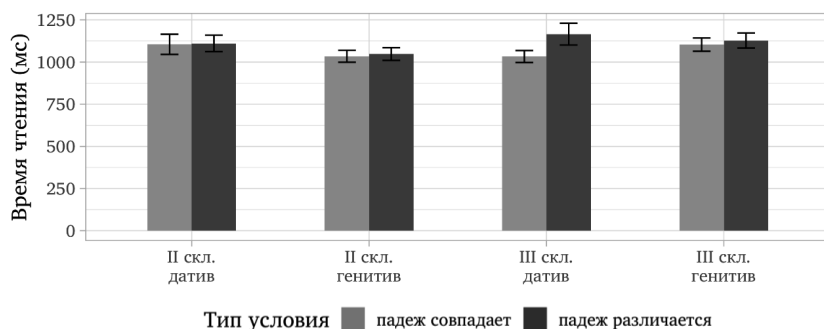

Рис. 2. Средние значения времени чтения существительного

Помимо сочинения сказуемых с общим дополнением, мы рассмотрели механизм означивания признаков оси в русских именных группах с сочиненными модификаторами.

Во-первых, мы изучили требования идентичности признаков. Предшествующие исследования С.В. Кодзасова [1987], О.И. Беляева, М. Далримпл и Дж.Дж. Лоу [2015] постулируют для данной структуры наличие существительного в каждом конъюнкте и последующее озвучивание только одного из них. Однако в том случае, если каждый из конъюнктов приписывает различные признаки существительному (*красные* ---_{pl} и *зеленый* ---_{sg} **карандаш** $_{sg}$), требуется изучить, как будет разрешаться конфликт. Если один из конъюнктов содержит признак единственного числа, а другой — множественного, то конфликт может разрешаться при озвучивании в пользу линейно ближайшего конъюнкта либо приводить к неграмматичности. При сочинении количественных групп с разными типами числительных также возникает конфликт признаков: при малых числительных требуется паукальная форма, тогда как при больших — форма множественного числа (*пять красных* ---_{pl} и *три зеленых* ---_{pc} **карандаша** $_{pc}$). В соответствии с анализом Д. Песецкого [2013], паукальная форма является бесчисловой и не означена по данному признаку, тогда как формы единственного и множественного числа имеют соответствующее значение признака. Помимо конфликта признака числа, возможно различие падежных призна-

ков при сочинении именной и количественной группы (*красные* —Nom *и шесть зеленых* —Gen *карандашей* Gen).

Для изучения данного вопроса было проведено экспериментальное исследование. На рисунке 3 представлены средние оценки приемлемости для филлеров и стимульных предложений. Результаты попарного сравнения показывают, что при отсутствии числительного в обоих конъюнктах конструкции с совпадающим числом оказываются значимо более приемлемыми, чем с различным признаком числа, как при единственном числе (8a, 8c), так и множественном числе (8b, 8d) второго конъюнкта. При наличии числительных в обоих конъюнктах соотношение числа конъюнктов, т. е. использование числительных одинакового или разных типов, не оказывает значимого влияния на оценки: это происходит при паукальном (8e, 8g) и при множественном числе (8f, 8h) второго конъюнкта. Конструкции без числительного получают более низкие оценки при единственном числе второго конъюнкта как в случае совпадения (8a–b), так и в случае различия числа конъюнктов (8c–d). При наличии двух числительных оказывается одинаковой приемлемость конструкций с паукальным (8e–f) и множественным числом (8g–h) второго конъюнкта. Наличие числительного в обоих конъюнктах при совпадении числа значимо повышает приемлемость для предложений с паукальным числом второго конъюнкта (8a, 8e), однако оказывается незначимо для предложений с существительным во множественном числе (8b, 8f). При различии числа конъюнктов наличие числительного также оказывает значимое влияние на приемлемость конструкций с паукальным (8c, 8g) и с множественным числом (8d, 8h) второго конъюнкта. При наличии числительного только в одном конъюнкте более приемлемым оказывается его расположение во втором, а не в первом конъюнкте (8i–j). Предложения, где числительное присутствует только в первом конъюнкте и отсутствует во втором, оказываются значимо менее приемлемы, чем предложения без числительных как с совпадающим (8b, 8i), так и с различным числом конъюнктов (8d, 8i). Конструкции с одним числительным, которое расположено во втором конъюнкте, получают значимо более низкие оценки, чем предложения с двумя числительными одинакового типа (8f, 8j) и различных типов (8h, 8j).

- (8) а. Кирилл описал московский —sg и петербургский —sg *театр* sg
в школьном докладе.
б. Кирилл описал московские —pl и петербургские —pl *театры* pl
в школьном докладе.
с. ??? Кирилл описал московские —pl и петербургский —sg *театр* sg
в школьном докладе.

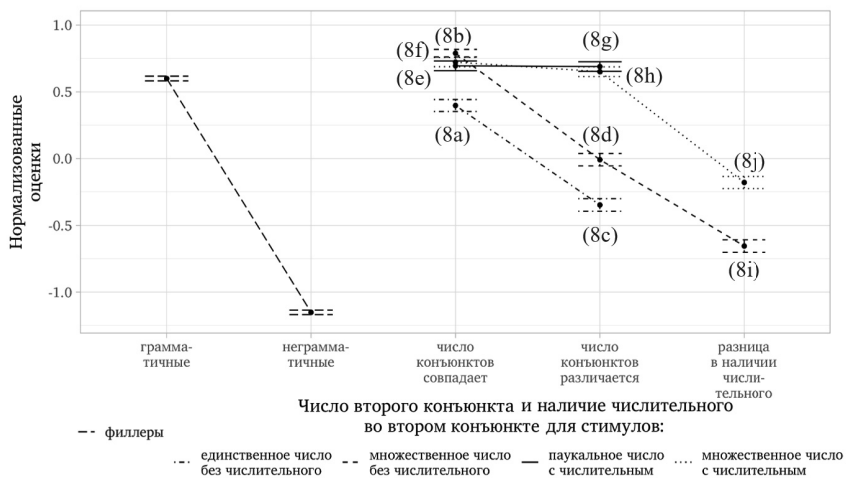

Рис. 3. Средние нормализованные оценки приемлемости

- d. [?]Кирилл описал московский ____sg и петербургские ____pl *театры*pl в школьном докладе.
- e. Кирилл описал два московских ____pc и три петербургских ____pc *театра*pc в школьном докладе.
- f. Кирилл описал пять московских ____pl и шесть петербургских ____pl *театров*pl в школьном докладе.
- g. Кирилл описал пять московских ____pl и три петербургских ____pc *театра*pc в школьном докладе.
- h. Кирилл описал два московских ____pc и шесть петербургских ____pl *театров*pl в школьном докладе.
- i. *Кирилл описал пять московских ____Gen и петербургские ____Nom *театры*Nom в школьном докладе.
- j. ^{???}Кирилл описал московские ____Nom и шесть петербургских ____Gen *театров*Gen в школьном докладе.

На рис. 4 представлена столбчатая диаграмма средних значений для времени чтения существительного. При отсутствии числительного значимая задержка при чтении наблюдается для существительных в конструкциях с различным числом конъюнктов в отличие от конструкций с совпадающим числом конъюнктов. В предложениях с двумя числительными данный контраст не наблюдается. Конструкции, где разница между конъюнктами состоит в наличии числительного, демонстрируют задержку при чтении существительного, однако ее размер не зависит от того, какой из конъюнктов содержит числительное. Предложения, где числительное присутствует в первом конъюнкте и отсутствует во втором, демонстрируют значимое различие во времени чтения существительного по сравнению

с конструкциями без числительных при совпадении числа конъюнктов, но не при различии числа конъюнктов. Те же зависимости наблюдаются для конструкций, где числительное отсутствует в первом конъюнкте и присутствует во втором: время чтения значимо отличается от конструкций с совпадающим, но не различным числом конъюнктов с двумя числительными. Значимая задержка при чтении существительного возникает в предложениях с различным числом конъюнктов при отсутствии числительных в сравнении с временем чтения при наличии числительных. При совпадении числа конъюнктов время чтения существительного значимо не различается при наличии и отсутствии числительных.

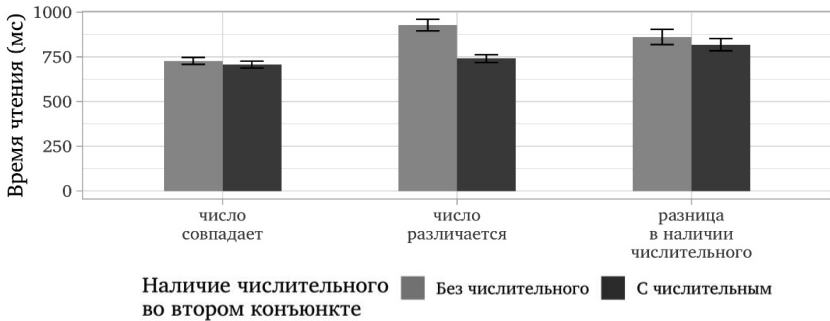

Рис. 4. Средние значения времени чтения существительного

Результаты экспериментального исследования показали, что согласование с ближайшим конъюнктом оказывается возможным, если отсутствует конфликт признака числа: один из конъюнктов имеет признак множественного числа, тогда как другой не обладает числовым признаком, что наблюдается при малых числительных. При наличии конфликта признака — сочинении прилагательного в единственном числе и прилагательного во множественном числе — приемлемость существенно снижается, возникают задержки при чтении. Конфликт может разрешаться в пользу множественного числа, тогда как согласование с ближайшим конъюнктом по единственному числу недопустимо. Также невозможным оказывается разрешение конфликта падежа при сочинении модификатора в генитиве и модификатора в аккузативе. Данные конструкции получают самые низкие оценки и демонстрируют самые большие задержки при чтении. Таким образом, наблюдается различие в возможности разрешения конфликта падежных признаков в именной и в глагольной области. Более существенное снижение приемлемости сопровождается задержками при чтении.

Во-вторых, мы проанализировали влияние морфологических характеристик существительного. При сочинении прилагательных единственного числа в данной конструкции возникает вариативность: грамматично и единственное, и множественное число оси. Предшествующие исследования С.В. Кодзасова [1987] и О.Е. Пекелис [2013] не рассматривали, как способ образования множественного числа влияет на согласование. В то время как Б. Харизанов и В. Грибанова [2013] выявляют следующую закономерность на материале болгарского языка: для супплетивных форм возможно только единственное число существительного (*найниското и найвисокото дете* / *дете ‘самый низкий и самый высокий ребенок / *дети’), для регулярных — только множественное (*българскиия и руски народи* / *народ ‘болгарский и русский народы / *народ’).

Помимо существительных, для которых возникает чередование в корне, интерес представляют формы с чередованием суффиксов. Если признак числа устроен привативно, он получает значение при множественном числе. Тогда после вставки существительного единственного числа невозможна замена на множественное (*котенюкята, *болгаритны) и приемлемо будет только единственное число. Если признак числа устроен эквиполентно, то признаки имеются при любом значении числа. Тогда изначально происходит вставка корня (*кот-*, *болгар-*), а затем выбирается суффикс и/или окончание: для единственного числа (*кот+енок*, *болгар+ин*) и для множественного (*кот+ята*, *болгар+ы*). В этом случае не должно быть разницы в приемлемости единственного и множественного числа.

Наконец, особенности восприятия форм с дефектной парадигмой — *singularia tantum* (латинское и древнегреческое наследие) и *pluralia tantum* (острые и тупые ножницы) — могут свидетельствовать о наличии эффекта синкретизма в данной конструкции.

Чтобы изучить, как связаны морфологический тип образования множественного числа и выбор стратегии согласования, было проведено экспериментальное исследование. На рис. 5 представлены средние оценки для филлеров и стимульных предложений. Статистически значимые контрасты между условиями обозначены знаком звездочки. Различие в приемлемости единственного и множественного числа оказывается значимым для форм с супплетивизмом и чередованием в корне (9a–b), а также для существительных с регулярной морфологией (12a–b). Разница в приемлемости единственного и множественного числа для форм с чередованием суффиксов (10a–b) и с дефектной парадигмой (11a–b) является статистически не значимой. Оценки для синкретичных форм с дефектной парадигмой в единственном числе (11a) статистически значимо отличаются от остальных типов существительных единственного числа:

супплетивных (9а), существительных с чередованием суффиксов (10а), форм с регулярной морфологией (12а), тогда как оценки для этих трех групп значимо не различаются между собой. Разница в приемлемости форм множественного числа оказывается статистически значимой между супплетивными (9б) и регулярными формами (12б), между супплетивными (9б) и дефектными существительным (11б), а также между формами с чередованием суффиксов (10б) и дефектной парадигмой (11б). Различия в оценках не значимы между множественным числом существительных с чередованием в корне (9б) и чередованием суффиксов (10б), между существительными с чередованием суффиксов (10б) и регулярными формами (12б), а также между регулярными (12б) и дефектными (11б).

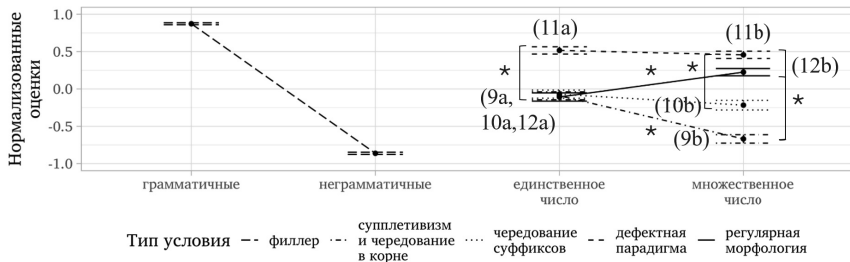

Рис. 5. Средние нормализованные оценки приемлемости

- (9) а. Усидчивый и подвижный ребенок сыграли в шахматы.
 б. *Усидчивый и подвижный дети сыграли в шахматы.
- (10) а. Бодрый и усталый англичанин встретились на чаепитии.
 б. Бодрый и усталый англичане встретились на чаепитии.
- (11) а. Близкая и дальняя родня приехали на свадьбу.
 б. Хлопковые и замшевые брюки протерлись на коленках.
- (12) а. ?Талантливый и посредственный студент ответили у доски.
 б. Талантливый и посредственный студенты ответили у доски.

На рис. 6 представлена диаграмма средних значений для времени чтения существительного. В единственном числе время чтения существительного для форм с чередованием суффиксов статистически значимо отличается от супплетивных форм и дефектных форм. В единственном числе значимо не различаются оценки для супплетивных и дефектных форм, для супплетивных и регулярных форм, для существительных с чередованием суффиксов и форм с регулярной морфологией, а также для дефектных и регулярных форм. Разница во времени чтения существительных множественного числа оказывается статистически значимой только между супплетивными и де-

фактными формами. Различия во времени чтения не значимы между существительными множественного числа всех остальных типов.

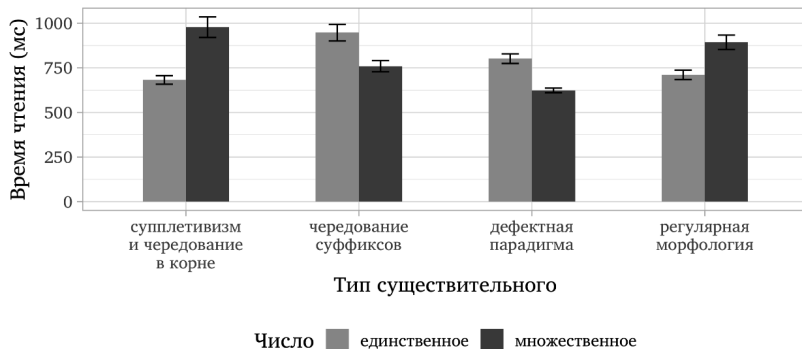

Рис. 6. Средние значения времени чтения существительного

Результаты эксперимента доказывают, что для супплетивных форм допустимым оказывается только единственное число существительных. В предложениях с множественным числом наблюдаются задержки при чтении. Формы с чередованием суффиксов демонстрируют иное поведение: единственное и множественное число одинаково возможны, что является аргументом в пользу эквиполентного устройства признака числа. Для регулярных форм оказывается более приемлемым множественное число, однако единственное число также допустимо. Время чтения синкретичных форм оказалось наименьшим, что свидетельствует о простоте их обработки — отсутствует необходимость выбора числовой формы.

Следующий раздел содержит теоретические обобщения на основании полученных эмпирических результатов.

Перспектив теоретического анализа

Наиболее приемлемым подходом к синтаксису сочиненных конструкций с общей структурой оказывается множественное подчинение.

При сочинении сказуемых DP одновременно является компонентом глагола в каждом конъюнкте, который присваивает ему падеж. Если управление предикатов совпадает, они приписывают одинаковый признак. При различном управлении объект получает признак глагола из ближайшего конъюнкта, что приводит к небольшому снижению приемлемости. Омонимия падежных показателей не оказывает влияния на стратегию означивания признака.

При сочинении именных модификаторов NP одновременно входит в состав каждого из конъюнктов, которые содержат доминирующую над существительным функциональную числовую вершину и адъюнгируемое к ней прилагательное. При совпадении признаков

числа конъюнктов существительное копирует значение единственного или множественного числа. В случае различного значения числа функциональной вершины — единственное vs множественное — возникает конфликт признаков, который разрешается в пользу множественного числа. Отсутствие конфликта признаков оказывается допустимым: оно возникает, если один из конъюнктов содержит малое числительное и не охарактеризован по числу. Конфликт признака падежа не разрешается в именной области и приводит к неграмматичности. Можно предположить, что конфликт падежа разрешается только при единообразном источнике признака (лексический глагол V для датива и генитива в глагольной области), но не при различии источников (числительное для генитива vs функциональная вершина *v* для аккумулятива в именной области).

Если числовая вершина имеет признак единственного числа, существительное может не только скопировать данный признак, но и означить его суммой признаков конъюнктов, то есть множественным числом. Одним из факторов, которые регулируют стратегию означивания, является морфологический тип образования числа. Для супплетивных существительных допустимым является только единственное число. Они поступают в деривацию с уже означенным признаком числа, поэтому согласование не запускается, и замена на множественное число оказывается невозможна. Тот факт, что для существительных с чередованием суффиксов оказываются допустимы и единственное, и множественное число, свидетельствует об эквивалентном устройстве признака числа.

Рассмотренные нами признаковые характеристики сочиненных конструкций с общей структурой позволяют сделать выводы о деривации данного явления, стратегиях означивания признаковых характеристик, механизмах разрешения конфликта, а также устройстве системы признаков. Применение количественных методов экспериментального синтаксиса свидетельствует в пользу достоверности и надежности полученных эмпирических данных, что позволяет использовать их для дальнейших теоретических обобщений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джакупова С.С., Зевахина Н.А. (Не)совпадение падежа при эллипсисе в сочинительных конструкциях на материале учебных текстов носителей русского языка // Инструментарий русистики: Ошибки и многоязычие / Под ред. А. Никунласси, Е. Протасовой. Хельсинки, 2014. С. 35–49.
2. Кодзасов С.В. Число в сочинительных конструкциях // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика, А.С. Нариньяни. М., 1987. С. 204–219.
3. Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 1. Инфинитивные клаузы // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2022. № 5. С. 22–45.

4. Пекелис О.Е. Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. Рукопись. 2013. URL: <http://rusgram.ru/Сочинение> (дата обращения: 15.08.2025).
5. Студеникина К.А. Об идентичности морфологических признаков при эллипсисе в русском языке: данные именных групп с сочиненными прилагательными // *Rhema. Рема*. 2023. № 2. С. 28–52.
6. Студеникина К.А. Проблема идентичности падежа и эффект синкретизма в русских конструкциях с подъемом правого узла // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2026. Т. 85. № 2.
7. Тестелец Я.Г. Падеж как признак идентичности при эллипсисе в русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»* / Под ред. А. Е. Кибрика, В. И. Беликова и др. М., 2011. С. 656–667.
8. Asarina A. Case in Uyghur and beyond. PhD thesis, Massachusetts Institute of Technology, 2011.
9. Belyaev O., Dalrymple M., Lowe J. Number mismatches in coordination: An LFG analysis // *Proceedings of the LFG15 Conference* / M. Butt, T. King (eds.). Stanford, CA, 2015. P. 26–46.
10. Grosz P. G. Movement and agreement in Right-Node-Raising constructions // *Syntax*. 2015. Vol. 18, no. 1. P. 1–38.
11. Harizanov B., Gribanova V. How across-the-board movement interacts with nominal concord in Bulgarian // *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society* 49. Chicago, IL, 2015. P. 115–129
12. Heycock C., Zamparelli R. Friends and colleagues: plurality, coordination, and the structure of DP // *Natural Language Semantics*. 2005. Vol. 13, no 3. P. 201–270.
13. Pesetsky D. Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, MA, 2013.
14. Postal P. M. On Raising: One Rule of English Grammar and its Theoretical Implication. Cambridge, MA, 1974.
15. Shen Z. Feature arithmetic in the nominal domain. PhD thesis, University of Connecticut, 2018.
16. Studenikina K. Does the number morphology determine the agreement strategy? // *Proceedings of 13th International Conference of Experimental Linguistics*. Athens, 2022. P. 137–140.

REFERENCES

1. Asarina A. Case in Uyghur and beyond. PhD thesis, *Massachusetts Institute of Technology*, 2011.
2. Belyaev O., Dalrymple M., Lowe J. Number mismatches in coordination: An LFG analysis. *Proceedings of the LFG15 Conference*. M. Butt, T. King (eds.). Stanford, CA: CSLI Publication, 2015, pp. 26–46.
3. Dzhakupova C.S., Zevahina N.A. (Ne)sovpadenie padezha pri ellipsise v sochinitel'nyh konstrukciyah na materiale uchebnyh tekstov nositelej russkogo yazyka [Case (mis) match by ellipsis in coordinated constructions based on educational texts of Russian native speakers]. *Instrumentarij rusistiki: Oshibki i mnogoyazychie*. A. Nikunlassi, E. Protasova (eds.). Helsinki: University of Helsinki, 2014, pp. 35–49. (In Russ.).
4. Grosz P. G. Movement and agreement in Right-Node-Raising constructions. *Syntax*, 2015, vol. 18, no. 1, pp. 1–38.
5. Harizanov B., Gribanova V. How across-the-board movement interacts with nominal concord in Bulgarian. *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society* 49. Chicago, IL: Chicago Linguistics Society, 2015, pp. 115–129

6. Heycock C., Zamparelli R. Friends and colleagues: plurality, coordination, and the structure of DP. *Natural Language Semantics*, 2005, vol. 13, no 3, pp. 201–270.
7. Kodzasov S.V. Chislo v sochinitel'nyh konstrukciyah [Number in coordinated constructions]. *Modelirovanie yazykovoi deyatelnosti v intellektualnykh sistemakh*. A.E. Kibrik, A.S. Narinyani (eds.). Moscow: Nauka, 1987, pp. 204–219. (In Russ.)
8. Lyutikova E.A. Est' li sintaksicheskij pod'em v russkom yazyke? Chast' 1. Infinitivnye klauzy [Does Russian attest syntactic raising? Part 1. Infinitival clauses]. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2022, no. 5, pp. 27–45.
9. Pekelis O.E. Sochinenie. [Coordination]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisanija russkoi grammatiki*. Manuscript copyright. 2013. URL: <http://rusgram.ru/Сочинение> (accessed: 15.08.2025). (In Russ.).
10. Pesetsky D. Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
11. Postal P. M. On Raising: One Rule of English Grammar and its Theoretical Implication. Cambridge, MA: MIT Press, 1974.
12. Shen Z. Feature arithmetic in the nominal domain. PhD thesis, *University of Connecticut*, 2018.
13. Studenikina K. Does the number morphology determine the agreement strategy? *Proceedings of 13th International Conference of Experimental Linguistics*. Athens: ExLing Society, 2022, pp. 137–140.
14. Studenikina K. Ob identichnosti morfologicheskikh priznakov pri ellipsise v russkom yazyke: dannye imennyh grupp s sochinennymi prilagatel'nymi [Towards the feature identity for ellipsis in Russian: Evidence from noun phrases with coordinated adjectives]. *Rhema*, 2023, no. 2, pp. 28–52.
15. Studenikina K. Problema identichnosti padezha i effekt sinkretizma v russkikh konstrukciyah s pod'yomom pravogo uzla [Case (mis)match and syncretism effect in Russian constructions with Right Node Raising] // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2026. vol. 85, no. 2.
16. Testeleys Ya.G. Padezh kak priznak identichnosti pri ellipsise v russkom yazyke [Case as a characteristic of identity under ellipsis in Russian]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011, pp. 656–667. (In Russ.).

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Ксения Андреевна Студеникина — младший научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, техник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М.В. Ломоносова; xeanst@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Kseniia A. Studenikina — Junior Researcher at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, research assistant at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University; xeanst@gmail.com

АВТОМАТИЧЕСКОЕ РАЗРЕШЕНИЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ АББРЕВИАТУР В БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.А. Митрофанова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия; o.mitrofanova@spbu.ru*

П.А. Гусяцкая

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; polinagousyatskaya@gmail.com*

Аннотация: В данной статье описывается исследование, посвященное разрешению неоднозначности (омонимии) инициальных аббревиатур в русскоязычных биомедицинских текстах. Неоднозначность является неотъемлемым свойством естественного языка, распространяющимся даже на кодифицированные сегменты, в частности на терминосистемы. Содержание биомедицинского домена представлено совокупностью терминологически насыщенных текстов, относящихся к разным направлениям медицины и смежных наук, вследствие чего аббревиатуры в таких текстах склонны к межсистемной неоднозначности. Процедура разграничения омонимичных аббревиатур опирается на методологию дистрибутивной семантики, предполагающую использование корпус-ориентированного подхода и контекстного анализа в разрешении неоднозначности. В рамках исследования был собран уникальный корпус неоднозначных медицинских аббревиатур на русском языке и контекстов их употребления. В корпус вошли 76 аббревиатур, имеющих от 2 до 11 значений; для каждого значения был проведен отбор контекстов методом случайной выборки, объем контекстов составляет примерно 150–160 словоупотреблений. На корпусе были проведены эксперименты по классификации с использованием классического алгоритма — машины опорных векторов (SVM), и предобученной нейросетевой модели RuBioBERT. Модель SVM, демонстрирующая самые высокие результаты среди классических методов машинного обучения, подтвердила свой статус и на терминологических текстах, показав аккуратность и F-меру в 0.94. Модель RuBioBERT достигла наивысших результатов для данной задачи — 0.98 по обоим метрикам. На нейросетевой модели были проведены дополнительные эксперименты с привлечением широкого и узкого контекста: результаты классификации показали, что более информативным для модели является широкий контекст. Также были сделаны предварительные выводы о влиянии абсолютного количества контекстов и их семантической близости на качество классификации.

Ключевые слова: разрешение неоднозначности; аббревиатура; биомедицинские тексты; классификация контекстов; дистрибутивно-семантические модели

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке СПбГУ, шифр проекта 123042000068-8.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-4

Для цитирования: Митрофанова О.А., Гусьякая П.А. Автоматическое разрешение неоднозначности аббревиатур в русскоязычных биомедицинских текстах // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 47–59.

AUTOMATIC ACRONYM DISAMBIGUATION IN RUSSIAN BIOMEDICAL TEXTS

Olga A. Mitrofanova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; o.mitrofanova@spbu.ru

Polina A. Gousyatskaya

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
polinagousyatskaya@gmail.com*

Abstract: This article is dedicated to automatic disambiguation of acronyms in Russian-language biomedical texts. Ambiguity is an inherent property of natural language, prominent even in its codified segments, namely, terminological systems. The biomedical domain is represented by a set of terminologically rich texts related to different fields of medicine and related sciences, therefore abbreviations in such texts are prone to intersystem ambiguity. The procedure for distinguishing homonymous abbreviations is based on the methodology of distributive semantics, which implies corpus-oriented approach and contextual analysis in resolving ambiguity. The problem in question called for compiling a unique corpus of contexts containing acronyms in different senses. The corpus includes 76 abbreviations exhibiting from 2 to 11 meanings; through random sampling we performed the context selection for each meaning, the sample size is approximately 150–160 tokens. Classification experiments were carried out using the classical algorithm — support vector machine (SVM), and the pre-trained RuBioBERT neural network model. The SVM model, which offers a reliable solution to the problem of resolving lexical ambiguity in texts of general semantics, confirmed its status in terminological texts, showing accuracy and F-measure of 0.94. The RuBioBERT model achieved the highest results for this task — 0.98 for both metrics. Additional experiments were performed with the neural network model involving a wide and a narrow context: classification results showed that a wide context is more informative. Preliminary conclusions were also drawn about the influence of the absolute number of contexts and their semantic proximity on the quality of classification.

Keywords: Word Sense Disambiguation; classification; acronyms; biomedical domain; context classification; distributional semantic models

Funding: This research was supported by Saint-Petersburg State University, project No. 123042000068-8.

For citation: Mitrofanova O.A., Gousyatskaya P.A. (2026) Automatic Acronym Disambiguation in Russian. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 47–59.

Введение

Исследовательская проблема, решение которой представлено в статье, связана с разрешением неоднозначности особого разряда лексических единиц, а именно аббревиатур, используемых в русскоязычных биомедицинских текстах. Инициальные аббревиатуры являются самостоятельными единицами терминосистемы и, благодаря своей компрессионной природе, обладают отличной от полной формы дистрибуцией и выполняют иные языковые функции [Алексеев 2019]. Сокращение плана выражения, происходящее при формировании подобных единиц, значительно увеличивает потенциал их неоднозначности.

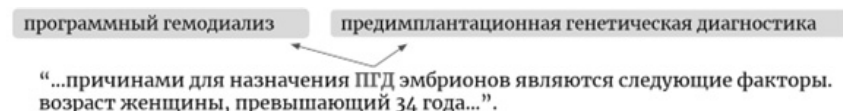

Рис. 1. Пример неоднозначной аббревиатуры в контексте

Неоднозначность — это неотъемлемое свойство естественного языка, распространяющееся в том числе на более кодифицированные его сферы — языки для специальных целей и терминосистемы. Биомедицинская терминосистема представляет собой совокупность нескольких поддоменов, соответствующих ветвям медицины и смежным наукам, что обуславливает то, что единицы ее терминосистемы проявляют межсистемную неоднозначность, другими словами, являются омонимами.

Предыдущие исследования

Проблема автоматического разрешения лексической неоднозначности (Word Sense Disambiguation, WSD) на материале русскоязычных биомедицинских текстов в литературе не представлена — настоящее исследование предлагает первое решение данной задачи в текстах обсуждаемого домена. Куда более широко проблема представлена на материале англоязычных текстов как общей, так и биомедицин-

ской тематики. В частности, благодаря тому, что англоязычный биомедицинский домен располагает несколькими крупными лексическими ресурсами для различных задач обработки естественного языка, широко распространены подходы, основанные на знаниях. Наиболее часто встречаются попытки расширить векторное представление терминов с помощью лексических ресурсов (прежде всего, wordnet-подобных словарей), а также эксперименты на выявление наиболее информативных для WSD признаков [Skreta et al. 2021; Li et al. 2019; Wu et al. 2015].

Подходы, основанные на знаниях, для русскоязычного биомедицинского домена не так актуальны из-за отсутствия высокоструктурированных лексических ресурсов достаточного объема. Исследования в этой области фокусируются на различных способах выделения информативных морфосинтаксических и семантических контекстных параметров: наиболее важными для настоящего исследования являются работы [Азарова, Марина 2006], где описан опыт классификации контекстов в тезаурусе RussNet на основе рамок валентностей, и [Митрофанова и др. 2012], посвященная разрешению лексико-семантической неоднозначности с помощью выделения конструкций с целевым словом.

Сбор данных

В рамках исследования был собран корпус контекстов, содержащих неоднозначные аббревиатуры в разных значениях. Первым шагом стало формирование списка неоднозначных аббревиатур и их значений: это было осуществлено вручную путем анализа словарных ресурсов. Каждое значение аббревиатуры представлялось как полная форма терминологического словосочетания, или развертка.

БКК:

0 – большой круг кровообращения

1 – базально-клеточная карцинома

2 – блокаторы кальциевых каналов

Рис. 2. Представление значений аббревиатуры в виде разверток

Для каждого значения при помощи ресурса Sketch Engine было собрано некоторое количество контекстов: данный корпусной ресурс дает возможность выгрузить из интернета конкорданс контекстов, в которых встречается заданное ключевое слово. Контекст было решено оставить максимально широким: 500 символов, или 70–80 токенов (слов) слева и справа от целевой развертки. Для обеспечения однозначности контекстов, выгружаемых для одного значения аббревиатуры, поиск в Sketch Engine велся по разверткам, а при добавлении в корпус развертка заменялась на аббревиатуру. Жанровый состав получившегося корпуса является смешанным: в основном он состоит из научно-популярных статей, посвященных медицинским феноменам, инструкций к лекарствам, обсуждений на форумах и т. д.

☐ Details	Left context	KWIC	Right context
81 ☐ allergovestnik...	рой (ранней) фазы	аллергической реакции	, развивающейся в 1
82 ☐ allergovestnik...	яющих в развитии	аллергической реакции	[63-81].</s><s>Дезлс
83 ☐ wikipedia.org	<s>Лекарственная	аллергическая реакция	развивается только
84 ☐ xn--80aehudwmij...	им добавкам и др.),	аллергических реакциях	, существующих заб
85 ☐ allergy.net	дии первого типа -	аллергические реакции	немедленного, или .

Рис. 3. Конкорданс, формируемый при помощи инструмента Sketch Engine

Нашей целью было выгрузить для каждого значения 80–200 контекстов: именно такое количество было признано, во-первых, минимальной адекватной выборочной совокупностью большого корпуса и, во-вторых, минимальным количеством данных, обуславливающим успешную автоматическую классификацию [Азарова, Марина 2006; Кашкин, Ляшевская 2015]. Однако частотность некоторых аббревиатур, а также отдельных значений оказалась неравномерной, в результате чего набор данных распался на три условные группы: сбалансированные аббревиатуры, все значения которых представлены 80–200 контекстами, аббревиатуры с частотными и периферийными значениями, а также редкие аббревиатуры, ни одно из значений которых не достигло отметки в 80 контекстов.

В окончательный набор данных вошло 76 аббревиатур. Количество значений варьируется от аббревиатуры к аббревиатуре: большинство из них — бинарные, остальные 30 % корпуса представлено аббревиатурами с 3–11 значениями. Средняя неоднозначность по корпусу насчитывает 3.61 значения.

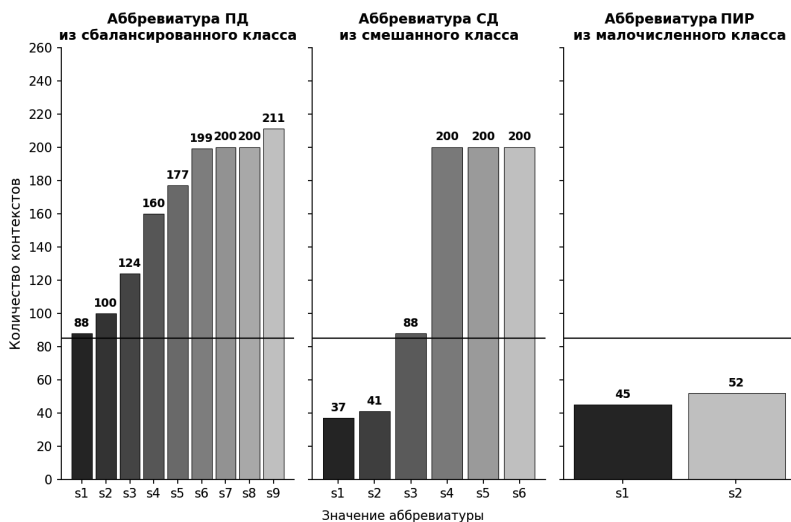

Рис. 4. Структура значений аббревиатур из трех классов

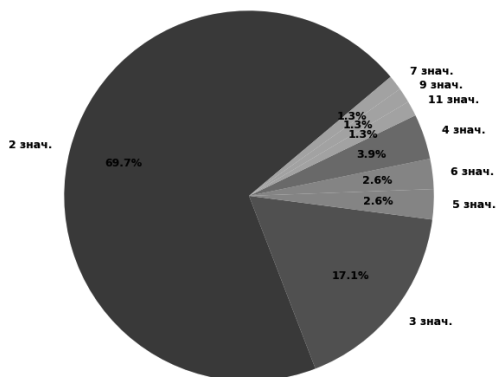

Рис. 5. Распределение аббревиатур в корпусе по количеству значений

Таблица 1

Фрагмент корпуса (контексты сокращены)

аббр.	развертка	№ знач.
ПГ	... в соединенном королевстве великобритании и северной ирландии, а симптомы заболевания у пациента возникли в декабре 2021 г. каждый случай циркуляции вирусов ПГ среди домашней птицы создает риск спорадического заражения человека...	0
ПГ	... в типичном развитии ПГ можно выделить 4 стадии, которым соответствуют местные симптомы заболевания: 1 стадия. на губах, языке, уголках рта, в других областях появляются зудящие, покалывающие ощущения, ...	1

Принцип работы алгоритма

В терминах машинного обучения разрешение лексической неоднозначности соответствует задаче классификации: модели, обученной на нашем наборе данных, предлагалось предсказать метку класса по подаваемому на вход контексту. Техническая реализация классификации осуществлялась средствами языка Python: библиотеками ресурса Scikit-learn, а также моделями платформы Hugging-Face.

Рис. 6. Схема работы классификатора

В рамках исследования мы протестировали на наборе данных два классификатора: классический алгоритм машинного обучения — машину опорных векторов и модель архитектуры Transformer — RuBioBERT [Yalunin 2022], предобученную на русскоязычных медицинских текстах.

Выбор SVM для эксперимента был обусловлен тем, что этот алгоритм был признан алгоритмом выбора среди классических методов машинного обучения в задаче разрешения неоднозначности на текстах общей тематики [Zhong, Ng 2010]. Более того, SVM дает более интерпретируемые результаты, чем RuBioBERT: линейный классификатор SVM является, по сути, двухклассовым — классификация производится по методу «один против всех», что дает нам ценные сведения об успешности отделения каждого класса от всех конкурирующих. Более того, в цели данного исследования входило сравнение результатов классического и нейросетевого алгоритмов.

Результаты

Машина опорных векторов на корпусе достигает средней аккуратности и F1-меры в 0.93. Такие показатели подтверждают, что SVM можно признать алгоритмом выбора для задачи разрешения неоднозначности не только на текстах общей тематики, но и на исследуемом нами материале. Стоит отметить, что рассматриваемый в нашем исследовании корпус представляет малые данные, что обуславли-

вает некоторые неточности в работе классификатора, которые, впрочем, не оказывают существенного влияния на усредненные показатели. Так, на отдельных аббревиатурах SVM показывает предельно возможный результат, что можно интерпретировать именно с точки зрения недостатка контекстов для того или иного значения.

Модель RuBioBERT на корпусе достигает аккуратности и F1-меры в 0.98, что на 5 % превышает условный baseline, заданный линейным классификатором. Таким образом, при всех достоинствах классического алгоритма, нейросетевая модель все-таки показывает свое преимущество.

Таблица 2

Результаты классификации

<i>метрика</i>	<i>F1</i>	<i>ACC</i>
SVM	0.93	0.93
RuBioBERT	0.98	0.976

Выводы и наблюдения

Машина опорных векторов (SVM)

Эксперименты с SVM, помимо всего прочего, позволили нам сделать несколько выводов о специфике текстов биомедицинского домена и факторах, влияющих на успешность классификации.

Так, по всей видимости, одним из таких факторов является абсолютное количество контекстов, доступных для каждого из значений неоднозначной аббревиатуры. В [Азарова, Марина 2006] утверждается, что адекватной выборочной совокупностью для неоднозначной леммы является 100 контекстов. Эксперименты на небольшой тренировочной выборке — в 25 и 50 контекстов с широким контекстным окном — описаны в [Leacock, Chodorow 1998], однако такие алгоритмы достигали аккуратности в 40–50 %. При расширении выборки до 100 контекстов и более аккуратность поднималась до 80 %, что позволило рассматривать порог в 100 контекстов как минимально достаточный для успешной классификации значений.

По всей видимости, пороговое число контекстов, обеспечивающих успешное выделение контекстуальных маркеров, на наших данных располагается ниже указанного порога. Так, на аббревиатурах малочисленного подкорпуса (в него входили, например, аббревиатуры с соотношением контекстов по значениям 64/35 (АЕ), 64/26 (ЛТГ), 23/59 (МПА), 26/42 (ПГБ), 78/45 (ПДП) и т. д.) классификатор показывает адекватные результаты: аккуратность и F1-меру в 0.89.

По всей видимости, необходимым условием адекватного выделения класса является наличие у аббревиатуры хотя бы одного “сильного” значения, представленного достаточным количеством контекстов.

Вторым фактором успешной классификации стоит признать лексическое разнообразие контекстов, представляющих каждое из значений неоднозначной аббревиатуры. Анализ текстов корпуса показал, что знаменательные слова, составляющие контексты того или иного значения, можно поделить на две группы — в настоящей работе мы будем называть их тематическим и фактографическим контекстом. К первому будут относиться лексемы, принадлежащие к тематическим полям, соответствующим подсферам медицины, отраженным в нашем корпусе: кардиологии, фармакологии, иммунологии и т. д. Ко второму мы будем относить лексемы, соответствующие именованным сущностям, которые принято выделять из биомедицинских текстов: болезнь, лекарство, химическое соединение, орган и т. д.

Пример лексем тематического и фактографического контекстов:

(1) ...однако **почечная недостаточность** при ГБ, если нет **злокачественного течения**, развивается редко. **факторы риска артериальной гипертонии**...

Полученные результаты указывают на то, что в рамках задачи разрешения неоднозначности эти контексты неравнозначны — а именно, на широком контекстном окне ключевое значение для успешного выделения класса будет иметь тематический контекст, в то время как фактографический по этому признаку будет нейтрален. Кроме того, эксперимент показал, что близость тематических контекстов значений неоднозначной аббревиатуры может приводить к ухудшению результатов классификации даже при условии достаточного количества контекстов. Приведем в пример результаты работы SVM на аббревиатуре «АР», где классификатор выделяет малочисленный, но лексически специфичный класс «авторентген» более успешно, чем частотные, но лексически близкие классы «аллергическая реакция» и «аллергический ринит».

Таблица 3

Пример выделения лексически уникального, но малочисленного класса

<i>аббр.</i>	<i>развертка</i>	<i>кол-во контекстов</i>	<i>F1-мера</i>
АР	аллергическая реакция	200	0.89
	аллергический ринит	200	0.86
	авторентген	15	0.91

RuBioBERT

Наблюдения, касающиеся тематического и фактографического контекстов, побудили нас провести отдельные эксперименты на широком и узком контекстах. Идея сравнения широкого и узкого контекстов основывается на двух подходах к лексическому значению слова в контексте, описанных в работах “One Sense per Discourse” [Gale, Church, Yarowsky 1992] и “One Sense per Collocation” [Yarowsky 1993], — первая постулирует, что неоднозначная единица с высокой вероятностью будет встречаться в одном и том же значении в рамках одного текста (дискурса), вторая — что то или иное значение многозначного слова реализуется в локальном контексте внутри коллокации.

При расчете узкого контекстного окна мы пользуемся выводами [Митрофанова и др. 2012] о том, что локальный контекст неоднозначной лексемы может содержать сочетаемостную информацию, способную улучшить результаты разрешения лексико-семантической неоднозначности. Большинство полных форм аббревиатур, входящих в наш корпус, являются именными группами, поэтому в настоящем эксперименте контексты были ограничены с помощью окна [-3; +4], соответствующего синтаксическим группам, появляющимся в локальном контексте существительного.

Аккуратность и F-мера классификатора на локальном контексте понизились до средних показателей в 0.83. Это позволяет предположить, что для разрешения неоднозначности лексем терминологического узкоспециального текста, каковыми являются тексты биомедицинского домена, широкий тематический контекст оказывается более полезным. Это предположение в целом соответствует выводам [Martinez, Agirre 2020] о том, что принцип “One Sense per Collocation” не в полной мере применим к корпусам, для которых характерна тематическая или жанровая вариативность, поскольку коллокации, выученные моделью на одной теме, не всегда возможно обобщить в отношении других предметных областей.

Не противоречат полученные результаты и нашей гипотезе о тематической и фактографической лексике, составляющей каждый из контекстов. Экспертная оценка контекстов, ограниченных окном [-3; +4], позволяет предположить, что в ближайшем окружении аббревиатуры чаще встречаются именно фактографические лексемы, ранее показавшие себя как менее качественные контекстные маркеры, помогающие алгоритму правильно совершить классификацию. Характер распределения лексем по контекстам двух видов отражен в примерах (**тематический** контекст — полужирным, **фактографический** — подчеркнутым):

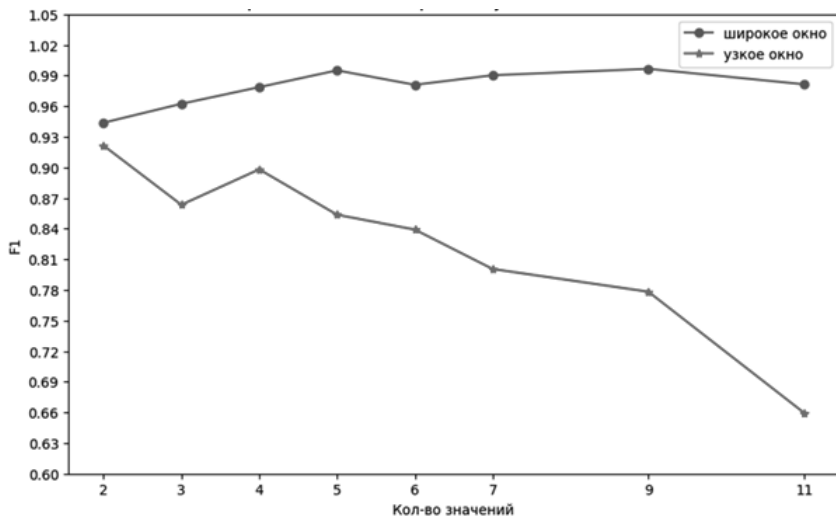

Рис. 7. F1-мера RuBioBERT на широком и узком контекстном окне

- (1) при этом виде **АС коронарные сосуды** расположены **проксимально**
- (2) заболеваниях методах диагностики **АС порок сердца** сопровожденный деформацией
- (3) **генетическая** консультация лечение **СД** не может быть вылечен

Заключение

В статье описан опыт автоматического разрешения неоднозначности аббревиатур в русскоязычных биомедицинских текстах. В рамках исследования собран корпус контекстов употребления неоднозначных аббревиатур в разных значениях и проведены классификационные тесты на классическом алгоритме и нейросетевой модели, показавшие конкурентные по отношению к существующим на данный момент результаты. Анализ результатов классификации позволил сделать ряд выводов о специфике решения задачи WSD в терминологических текстах, а также факторов, потенциально влияющих на результаты: абсолютного количества контекстов, ширины контекста и лексической близости контекстов значений одной аббревиатуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азарова И.В., Марина А.С.* Автоматизированная классификация контекстов при подготовке данных для компьютерного тезауруса RussNet // Компьютерная

- лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог». 2006. С. 13–17.
2. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. М., 2019.
  3. Кашкин Е.В., Ляшевская О.Н. Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 6. С. 464–556.
  4. Митрофанова О.А. и др. Автоматическое разрешение лексико-семантической неоднозначности и выделение конструкций (на материале Национального корпуса русского языка) // Лексикология. Лексикография и Корпусная лингвистика. 2013. С. 122–143.
  5. Gale W.A., Church K., Yarowsky D. One sense per discourse // Speech and Natural Language: Proceedings of a Workshop Held at Harriman, New York, 1992.
  6. Leacock C., Chodorow M., Miller G.A. Using corpus statistics and WordNet relations for sense identification // Computational Linguistics. 1998. V. 24. № 1. P. 147–165.
  7. Li I. et al. A neural topic-attention model for medical term abbreviation disambiguation // arXiv preprint arXiv:1910.14076. 2019.
  8. Martinez D., Agirre E. One sense per collocation and genre/topic variations // arXiv preprint cs/0010027. 2000.
  9. Skreta, M., Arbabi, A., Wang, J. et al. Automatically disambiguating medical acronyms with ontology-aware deep learning // Nat Commun. 2021. V. 12, P. 5319.
  10. Wu Y. et al. Clinical abbreviation disambiguation using neural word embeddings // Proceedings of BioNLP 15. 2015. P. 171–176.
  11. Yalunin A., Nesterov A., Umerenkov D. RuBioRoBERTa: a pre-trained biomedical language model for Russian language biomedical text mining // arXiv preprint arXiv:2204.03951. 2022.
  12. Yarowsky D. One sense per collocation // Human Language Technology: Proceedings of a Workshop Held at Plainsboro, New Jersey, 1993.
  13. Zhong Z., Ng H. T. It makes sense: A wide-coverage word sense disambiguation system for free text // Proceedings of the ACL 2010 system demonstrations. 2010. P. 78–83.

REFERENCES

1. Azarova I.V., Marina A.S. Avtomatizirovannaya klassifikaciya kontekstov pri podgotovke dannyx dlya komp'yuternogo tezaurusa RussNet [Automatic context classification as part of preparing the data for a thesaurus RussNet]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'ny'e tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog», 2006*, pp. 13–17. (In Russ.)
2. Alekseev D.I. *Sokrashhenny'e slova v russkom yazy'ke*. [Abbreviated words in the Russian language]. Moscow, Knizhny'j dom «LIBROKOM» Publ., 2019. 346 p.
3. Kashkin E.V., Lyashevskaya O.N. Tipy' informacii o leksicheskix konstrukciyax v sisteme FrejmBank [Types of information about lexical collocations in FrameBank]. *Trudy' instituta russkogo yazy'ka im. VV Vinogradova. 2015, № 6*, pp. 464–556. (In Russ.)
4. Mitrofanova O.A. i dr. Avtomaticheskoe razreshenie leksiko-semanticheskoy neodnoznachnosti i vy'delenie konstrukcij (na materiale Nacional'nogo korpusa russkogo yazy'ka) [Automatic word sense disambiguation and collocation extraction (based on the Russian National Corpus)]. *Leksikologiya. Leksikografiya i Korpusnaya lingvistika*, 2013, pp. 122–143. (In Russ.)
5. Gale W. A., Church K., Yarowsky D. One sense per discourse. *Speech and Natural Language: Proceedings of a Workshop Held at Harriman, New York, 1992*.

6. Leacock C., Chodorow M., Miller G.A. Using corpus statistics and WordNet relations for sense identification // Computational Linguistics. 1998. V. 24. №. 1. P. 147–165.
7. Li I. et al. A neural topic-attention model for medical term abbreviation disambiguation // arXiv preprint arXiv:1910.14076. 2019.
8. Martinez D., Agirre E. One sense per collocation and genre/topic variations // arXiv preprint cs/0010027. 2000.
9. Skreta M., Arbabi A., Wang J. et al. Automatically disambiguating medical acronyms with ontology-aware deep learning // Nat Commun. 2021. V. 12, P. 5319.
10. Wu Y. et al. Clinical abbreviation disambiguation using neural word embeddings // Proceedings of BioNLP 15. 2015. P. 171-176.
11. Yalunin A., Nesterov A., Umerenkov D. RuBioRoBERTa: a pre-trained biomedical language model for Russian language biomedical text mining // arXiv preprint arXiv:2204.03951. 2022.
12. Yarowsky D. One sense per collocation // Human Language Technology: Proceedings of a Workshop Held at Plainsboro, New Jersey, 1993.
13. Zhong Z., Ng H. T. It makes sense: A wide-coverage word sense disambiguation system for free text // Proceedings of the ACL 2010 system demonstrations. 2010. P. 78–83.

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРАХ

Ольга Александровна Митрофанова — к.ф.н., доцент кафедры математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; o.mitrofanova@spbu.ru

Полина Андреевна Гусяцкая — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; polinagousyatskaya@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Mitrofanova — PhD, Associate Professor, Department of Computational Linguistics, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University; o.mitrofanova@spbu.ru

Polina A. Gousyatskaya — PhD Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; polinagousyatskaya@gmail.com

ЭКВАТИВНЫЕ И СИМИЛЯТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Ю.В. Сеницына

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва,
Россия; jv.sinitsyna@yandex.ru

Аннотация: Предметом исследования являются эквативные (*Петя (такой же) высокий, как Вася*) и симилятивные (*Петя поет, как Вася*) конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка (< пермские < уральские). Материал получен в основном методом анкетирования в ходе экспедиций в Татышлинский район Республики Башкортостан в 2021–2023 гг., также используются данные устного корпуса. Конструкции анализируются на основании семантических и структурных параметров межъязыкового варьирования: семантика сравнения (по количеству, по образу действия или по признаку); возможность взаимодействия со степенными аргументами в эквативной конструкции; позиция стандарта в клаузе (предикативная или непредикативная); способ выражения стандарта сравнения (именные группы, адложные группы, клаузы и т. д.), доступные синтаксические позиции именной группы в объекте сравнения, с которой связан именной стандарт (подлежащее, прямое дополнение, косвенные объекты). Рассмотрены конструкции с маркерами *tānda*, *tusjem*, *kāz'ə*, *kad'*, *s'äin*, в основном с упором на отличия в употреблении двух последних. Показано, что эквативные конструкции с *kad'* относятся к имплицитному типу, согласно диагностике на наличие оценочного элемента в семантике конструкции, что было предложено Дж. Ретт. Элицитация и корпусные данные свидетельствуют о прагматическом характере эквативной или симилятивной интерпретации конструкций с *kad'*. Маркер *s'äin* тяготеет именно к симилятивным конструкциям. В конструкциях с обоими маркерами допускаются не только именные стандарты сравнения, но возможны только нефинитные глагольные формы.

Ключевые слова: эквативные конструкции; симилятивные конструкции; типология; татышлинский удмуртский

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ №22-18-00285-П.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-5

Для цитирования: Сеницына Ю.В. Эквативные и симилятивные конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка с точки зрения межъязыкового варьирования // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 60–70.

EQUATIVE AND SIMILATIVE CONSTRUCTIONS IN TATYSHLY UDMURT CROSS-LINGUISTICALLY

Julia V. Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; jv.sinitsyna@yandex.ru

Abstract: This study focuses on equative (e.g. *John is as tall as me*) and similative (e.g. *John sings like a nightingale*) constructions in the Tatyshly Udmurt (< Permic < Uralic). I use my own field data collected in the Tatyshly district of the Republic of Bashkortostan in 2021–2023, as well as texts from the oral corpus. These constructions are described based on cross-linguistic semantic and structural parameters, such as the qualitative or quantitative of the comparison, the position of the standard of comparison within the clause (predicative or non-predicative), the syntactic type of the standard of comparison (e.g. noun phrases or clauses), and the position of the object of comparison associated with the nominal standard (e.g. subject, direct or indirect object). I focus primarily on the differences between constructions with *kad'* and *s'äin*, while also considering constructions with the markers *mânda*, *tusjem*, and *kâz'â*. I demonstrate that equatives with *kad'* convey an evaluative meaning and classify them as implicit equatives according to J. Rett's theory. Elicitation and corpus data suggest that equative or similative meaning of constructions with *kad'* is of a pragmatic nature. Conversely, the marker *s'äin* is used in similatives. Constructions with either of these markers allow nominal or clausal standards, but only non-finite verb forms are possible.

Keywords: equative constructions; similative constructions; typology; Tatyshly Udmurt

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation №22-18-00285-П.

For citation: Sinitsyna J.V. (2026) Equative and Similative Constructions in Tatyshly Udmurt Cross-linguistically. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 60–70.

1. Введение

В статье рассматриваются сравнительные конструкции, описывающие равенство или сходство между объектами по отношению к некоторому параметру: *он (такой же) высокий, как мой друг; он готовит как настоящий повар*. В последние годы отмечается рост интереса к изучению этой области в типологической и ареальной перспективе [Haspelmath, Buchholz 1998; Henkelmann 2006; Treis, Vanhove 2017; Rett 2020; Кошкарева, Плотников 2023; Полякова 2024] и др., также появляется все больше конкретно-языковых исследований. Цель настоящей работы — определить набор семантических и структурных параметров межъязыкового варьирования и представить на этой основе типологический портрет зоны сравнения по

равенству в татышлинском говоре удмуртского языка (< пермские < уральские).

Данные татышлинского говора удмуртского языка собраны методом анкетирования в ходе экспедиций в Татышлинский район Республики Башкортостан (д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, с. Старокальмиярово, д. Ивановка, с. Новые Татышлы) в 2021–2023 гг. Кроме этого, мы используем материал экспедиционного корпуса объемом на момент написания статьи около 75,6 тыс. словоупотреблений (февраль 2026 г.)¹.

2. Типологическая перспектива

Пример (1) иллюстрирует эквативную конструкцию, где сравниваются степени d_1 и d_2 признака ‘высокий’, которым обладают Роберт (объект сравнения) и Мария (стандарт сравнения). Конструкция в (1) принимает истинностное значение, если степени проявления признака у объекта и стандарта сравнения равны.

(1) *Robert is as tall as Maria.*

= *Robert is tall to the same extent as Maria.*

‘Роберт такой же высокий, как Мария’.

= ‘Роберт высокий в той же степени, что и Мария’.

[Haspelmath, Buchholz 1998: 278]

Пример выше относится к группе эксплицитных эквативов в классификации Дж. Ретт [Rett 2020]. Таким конструкциям противопоставляются имплицитные эквативы, семантика которых не предполагает оценку степеней напрямую. В качестве диагностического контекста в [Rett 2020] предлагается рассматривать наличие оценочной интерпретации.

Оценочная интерпретация возможна в случае, если степень обладания признаком в обязательном порядке превышает контекстно заданный стандарт. Например, продолжение в (2а) не вызывает противоречий, так как в самой конструкции фактически не делается никакого утверждения относительно роста Джейн. Говорящий в данном случае сообщает информацию о том, что степень проявления признака ‘высокий’ у Джейн равна степени проявления такого же признака у Билла. С другой стороны, (2б) не может быть продолжено аналогичным образом, так как утверждение о небольшом росте Джейн противоречит выводу из первой части высказывания, согласно которому приравниваются две ситуации ‘Джейн высокая’ и ‘Билл высокий’.

(2) а. *Jane is as tall as Bill, but she's short.*

‘Джейн такого же роста, как Билл, но она сама невысокая’.

¹ <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>

6. *Jane is tall like Bill, #but she's small.*

‘Джейн высокая, как Билл, ??но она сама небольшого роста’.

[Rett 2020: 181]

Отдельную группу составляют конструкции, которые выражают количественное равенство элементов в множестве: *он купил **столько же** книг, **сколько** его сестра*. Как отмечается в [Haspelmath, Buchholz 1998: 300], некоторые языки допускают использование специальных количественных маркеров в конструкциях с параметрическими прилагательными, как, например, *высокий, длинный, широкий* и т. д.

Симилятивные конструкции выражают сходство образа действия (3), при этом параметр сравнения (сам образ действия) как таковой в конструкции отсутствует. Сравнение по образу действия более неоднозначно и может заключаться в сходстве сравниваемых сущностей (например, манеры пения человека и соловья) по ряду характеристик (высота тона, мелодия и т. д.).

(3) *He sings like a nightingale.*

= *He sings in the same way as a nightingale.*

‘Он поет как соловей’.

= ‘Он поет тем же образом, что и соловей’.

[Haspelmath, Buchholz 1998: 278]

С точки зрения структурных особенностей рассматриваются два параметра. Во-первых, конструкции разделяются на предикативные и непредикативные. В последних сравнительное значение передается с помощью специальных маркеров (*as, like* и т. д.). Эти маркеры присоединяют группу стандарта сравнения к предикату или выраженному параметру сравнения, аналогично компаративным маркерам, см. обзор исследований о структуре сравнительных конструкций в [Bacsikai-Atkari 2014], или к именной вершине в качестве определяемого: (*yesterday I saw [a girl [like you]]*) ‘вчера я видел девушку, похожую на тебя’. Такие контексты мы будем называть атрибутивными. В предикативных эквативах и симилятивах значение сравнения передается с помощью предиката ‘быть равным’, ‘быть подобным’ и т. д.: *Kim reaches/equals Pat in height* ‘Ким достигает/равна Пат в высоте’ [Haspelmath et al. 2017: 17].

Во-вторых, рассматривается способ выражения стандарта сравнения: именной группой, клаузой и т. д., ср., пример конструкции с клаузальным стандартом: *он говорит по-русски так же хорошо, как он говорит по-французски*. Если стандарт сравнения выражен именной группой, его внутреннее падежное оформление может сохраняться или не сохраняться в зависимости способа оформления

стандарта, аналогично стандартам сравнения в компаративных конструкциях, см. подробнее [Stassen 1985].

Помимо вопроса о сохранении внутреннего маркирования именованного стандарта сравнения, представляется важным вопрос о том, с какой синтаксической позицией объекта сравнения может быть связан стандарт. Мы не встречали подробного обсуждения вопроса в типологических исследованиях, посвященных эквативным конструкциям, но в то же время данная проблематика часто рассматривается в связи со структурными особенностями стандартов сравнения в компаративных конструкциях, см., например, [Jhang 1994; Bhatt, Takahashi 2011].

Таблица 1 суммирует рассмотренные параметры межъязыкового варьирования, в соответствии с которыми далее будут проанализированы данные татышлинского говора удмуртского языка.

Таблица 1

Параметры межъязыкового варьирования эквативных и симилятивных конструкций

Параметр	Значение параметра
Параметр сравнения	количество / качественный признак / образ действия
Взаимодействие со степенными аргументами в эквативной конструкции	да (эксплицитные эквативы) / нет (имплицитные эквативы)
Позиция стандарта в клаузе	предикативная / непредикативная
Способ выражения стандарта сравнения	именные группы / неименные группы
Синтаксические позиции для объекта сравнения, связанного со стандартом	подлежащее / прямое дополнение / не-прямой объект / косвенный объект

3. Данные татышлинского говора удмуртского языка

Р.И. Яшина [1963] проводит подробное исследование эквативных и симилятивных конструкций литературного удмуртского языка. Всего выделяется шесть маркеров со сравнительным значением: *кадь, сямен, музэн, выллем, тусъем, мактал*. Маркеры *музэн, выллем* и *мактал* были признаны опрошенными носителями литературными, поэтому далее не рассматриваются; маркер *тусъем (tusjem)* употребляется в значении ‘быть похожим’ только в предикативной конструкции (4).

- (4) а. *тон Пет'а тусjem / кад'.*
 я Петя наподобие
 ‘Я похож на Петю’.
- б. **тон Пет'а тусjem d'užêt*
 я Петя наподобие высокий
 Ожид.: ‘Я высокий, как Петя’.

Маркер *kad'* может использоваться и в предикативных (4а), и в не-предикативных конструкциях. В примере (5) сопоставляются две ситуации — 'Петя купил молоко' и 'Вася купил молоко'.

- (5) *Pet'a Vas'a kad' ž'ól bas't-i-z.*
 Петя Вася EQU молоко купить-PRS-3SG
 'Петя купил молоко, как Вася'.

Примечательно, что использование в данном примере маркера *s'äin* не было однозначно разрешено опрошенными носителями:

- (6) *ʔPet'a Vas'a s'äin ž'ól bas't-i-z.*
 Петя Вася подобно молоко купить-PRS-3SG
 'Петя купил молоко, как Вася'.

Маркер *kad'*, но не *s'äin* употребляется в конструкциях, выражающих сравнение по признаку:

- (7) *pet'a vas'a kad' / ʔvas'a s'äin d'užđt.*
 Петя Вася EQU Вася подобно высокий
 'Петя высокий, как Вася'.

Мы рассматриваем конструкции в (7) как выражающие имплицитное сравнение, согласно классификации [Retz 2020]. Диагностика наличия оценочной интерпретации в (8) показывает, что такая интерпретация есть, чего не ожидалось бы для эксплицитных эквативов. Невозможность продолжить начало примера в (8) объясняется тем, что уточнение информации о росте Пети и Васи противоречит утверждению в первой части, в которой говорится не просто о том, что рост Пети соответствует росту Васи, а о том, что они оба высокие.

- (8) **pet'a vas'a kad' d'užđt kâk-na-zâ no lapeg.*
 Петя Вася EQU высокий два-COLL-POSS.3PL PTCL низкий
 Ожид.: 'Петя такой же высокий, как Вася, но они оба небольшого роста'.

Мы предполагаем, что семантика конструкций с *kad'* не подразумевает скалярную интерпретацию, а заключается в сопоставлении двух пропозиций. Сопоставление может происходить по любым аспектам — действию (5), обладанию признаком (7) и т. д., при этом возможные симилятивные или эквативные интерпретации могут быть следствием прагматики. Например, в (9) скорее имеется в виду не то, что говорящие обнимаются и целуются таким же образом, как это делают родные люди, а не влюбленные, а то, что и говорящие, и родственники выполняют одинаковые действия при встрече, следовательно, это можно сопоставить.

- (9) *Tugan'-n'os kad' ž'ăgărja-s'k-is'k-om,*
 родственник-PL EQU обнимать-DETR-PRS-1PL
č'upa-s'k-is'k-om putis'k-âkâ...
 целоваться-DETR-PRS-1PL встречаться-CVВ
 'Как родные, при встрече целуемся, обнимаемся...' [Корпус]

Представленная семантика *kad'* объясняет широкий набор полисемичных контекстов, о чем подробнее см. [Синицына и др. 2024], а также его сочетаемость со стандартами сравнения вне зависимости от синтаксической связи с объектом сравнения.

В отличие от *kad'*, маркер *s'äin* тяготеет к контекстам, подразумевающим симилятивное сравнение (10). Симилятивная семантика *s'äin* объясняет затруднения, возникшие у некоторых опрошенных носителей при оценке примера (7), описывающего ситуацию покупки молока. Сравнение по образу действия в такой ситуации менее очевидно, чем в (10), где сравниваются танцевальные навыки.

- (10) *pet'a ton s'äin ekt-e.*
 Петя ты подобно танцевать-PRS.3SG
 'Петя танцует как ты'.

В корпусе устных текстов из 287 вхождений маркера (также с учетом 30 вхождений литературного варианта *s'amen*) 255, то есть 88 %, представляют собой контексты в значении 'на языке X' (11). Переход симилятивного значения в значение 'на языке X' можно легко представить: 'говорить как удмурт' значит 'говорить на языке удмуртов', употребление симилятивных маркерах в подобных контекстах типологически распространено, см. [Kuteva et al. 2019: 399].

- (11) *Kot' näl'-l'os u'murt s'äin vere-s'k-o.*
 хоть девушка-PL удмурт подобно говорить-DETR-PRS.3PL
 'Хоть девочки по-удмуртски разговаривают.' [Корпус]

Наоборот, из 145 вхождений маркера *kad'* в устный корпус, чуть больше половины, 82 контекста, относятся к именно к сравнительным конструкциям.

Наконец, для выражения количественного сравнения используется маркер *mānda*:

- (12) *Pet'a Vas'a mānda ž'öl bas't-i-z.*
 Петя Вася APPR молоко купить-PST-3SG
 'Петя купил столько молока, сколько Вася'.

Также имеется ряд маркеров, задающих эквативное сравнение по конкретному параметру. Например, маркер *d'užda* (ср. *d'užät* 'высокий') в (13) означает, что объекты сравниваются по высоте. Подобные маркеры зафиксированы в ряде других финно-угорских языков, см., к примеру, [Винклер 2024].

- (13) *pet'a vas'a d'užda (ik), kāk-na-zē no lapeg.*
 Петя Вася высотой_с PTCL два-COLL-POSS.3PL PTCL низкий
 'Петя одного роста с Васей, но они оба невысокие'.

Пример (13) также показывает, что конструкции с маркерами типа *d'užda* могут потенциально рассматриваться как эксплицитные эквативные конструкции, однако требуются дальнейшие уточнения,

например, относительно вклада частицы *ik* в семантику конструкции.

В структурном отношении мы подробно остановимся на сравнении конструкций с двумя маркерами, а именно с *kad'* и *s'äin*. Маркер *kad'* может использоваться и в предикативных, и в непередикативных, в том числе атрибутивных (14), контекстах. Маркер *s'äin* употребляется только в непередикативных контекстах вроде (10).

Что касается структурных особенностей эквативных и симилятивных конструкций, стандарты сравнения, вводимые обоими рассматриваемыми маркерами, могут соотноситься с объектами сравнения как в позиции подлежащего и прямого дополнения, так и в позиции косвенного объекта (14).

- (14) *mon gorod-[#](ân) kad' / gorod-*(ân) s'äin gurt-ân ul-is'ko-Ø.*
 я город-ЛОС как город-ЛОС подобно деревня-ЛОС жить-PRS-1SG
 'Я живу в деревне, как в городе'.
 'Я живу в деревне, похожей на город'.

Внутреннее маркирование стандарта падежом или послелогом сохраняется. Если стандарт сравнения не маркирован и группа стандарта с маркером *kad'* находится в препозиции к объекту сравнения, то вся конструкция приобретает атрибутивную интерпретацию 'похожий на N'. Напротив, конструкции с маркером *s'äin* имеют только обстоятельственную интерпретацию и могут быть только адъюнктом к глагольной группе.

В конструкциях с обоими маркерами также возможно выражение стандарта сравнения с помощью послеложной группы:

- (15) *val asfal't vâl-ti muzz'em *(vâl-ti)*
 лошадь асфальт верх-PROL земля верх-PROL
kad' / muzz'em *(vâl-ti) s'äin vorttâ-l-e.
 EQU земля верх-PROL подобно побежать_рысью-DETR-PRS.3SG
 'Лошадь бежит по асфальту, как по земле'.

Клаузальный стандарт в конструкции с *kad'* или *s'äin* может быть выражен только нефинитной глагольной формой, например, номинализацией:

- (16) а. **pet'a vas'a ekt-e kad' alama kârž'a-Ø.*
 Петя Вася танцевать-PRS.3SG EQU плохой петь-PRS.3SG
 б. *pet'a vas'a-len ekt-em-ez kad' alama*
 Петя Вася-GEN танцевать-NMLZ-POSS.3SG EQU плохой
kârž'a-Ø.
 петь-PRS.3SG
 Петя поет плохо, как Вася танцует'.

С финитными стандартами сравнения используется союзное слово *kâž'â* 'как':

- (17) *Kâz'â bâgat-il'l'a-m, oz'â l'uka-l'l'a-m,*
 как мочь-PL2/3-PST2 так собирать-PL2/3-PST2
čeberjä-s'k-il'l'a-m.
 украшать-DETR-PL2/3-PST2
 'Как могли, так и украшались, прихорашивались'. [Корпус]

* * *

Таким образом, мы рассмотрели эквативные и симилятивные конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка с точки зрения основных параметров межъязыкового варьирования, отмечаемых для подобных конструкций. Основным средством выражения сравнения является маркер *kad'*, употребляющийся в широком кругу контекстов. Маркер *s'äin* тяготеет к симилятивным конструкциям, а в корпусе отмечается тенденция использовать его практически только в контекстах со значением 'на языке X'.

Мы показали, что эквативные конструкции с *kad'* относятся к имплицитному типу, согласно классификации Дж. Ретт. Элицитация и корпусные данные свидетельствуют о прагматическом характере эквативной или симилятивной интерпретации конструкций с *kad'*. К эксплицитным эквативам, по данным диагностики на оценочную интерпретацию, могут относиться конструкции со специальными показателями, сочетающими в себе значение параметра и маркера стандарта сравнения, например, *d'užda* 'высотой с'.

Конструкции с маркерами *kad'* и *s'äin* схожи в структурном отношении: с данными маркерами допускаются не только именные группы, но в клаузальных стандартах возможны только нефинитные глагольные формы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

2,3 — лицо; APPR — аппроксиматив; COLL — собирательность; DETR — детранзитив; EQU — экватив; GEN — генитив; ILL — иллатив; INS — инструменталис; ITER — итератив; LOC — локатив; NMLZ — номинализация; PTCL — частица; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST(2) — прошедшее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винклер М.-Э. А. Эквативно-аппроксимативные маркеры в финно-угорских языках: взаимодействие с количественными шкалами и развитие неоднозначности // Вопросы языкознания. 2024. № 4. С. 45–75.
2. Кошкарева Н.Б., Плотников И.М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216.
3. Полякова Е.Е. Такие же, как вокруг: эквасимилятивные конструкции в хваршинском языке // Рема. 2024. № 1. С. 28–60.

4. Синицына Ю.В., Мордашова Д.Д., Винклер М.-Э. А. Полисемия сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка // Урало-Алтайские исследования. 2024. № 4 (55). С. 90–112.
5. Яшина Р.И. Сравнительные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1963.
6. *Bacskai-Atkari J.* The syntax of comparative constructions: Operators, ellipsis phenomena and functional left peripheries. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2014.
7. *Bhatt R., Takahashi S.* Reduced and unreduced phrasal comparatives // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2011. №29(3). P. 581–620.
8. *Jhang S.E.* Headed nominalizations in Korean: relative clauses, clefts, and comparatives, Doctoral dissertation, Simon Fraser University, 1994.
9. *Haspelmath M., Buchholz O.* Equative and similative constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin, 1998. P. 277–334.
10. *Henkelmann P.* Constructions of equative comparison // *Language Typology and Universals*. 2006. № 59. P. 370–398.
11. *Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S.* World lexicon of grammaticalization. 2nd, extensively revised and updated edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
12. *Rett J.* Separate but Equal: A Typology of Equative Constructions // P. Hallman (ed.). *Interactions of Degree and Quantification*. Leiden; Boston, 2020. P. 163–204.
13. *Stassen L.* Comparison and Universal Grammar. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
14. *Treis Y., Vanhove M.* (eds.). *Similative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia, 2017.

REFERENCES

1. Winkler M.-E. A. Ekvativno-approximativnye markery v finno-ugorskikh yazykakh: vzaimodeystvie s kolichestvennymi shkalami i razvitie neodnoznachnosti [Equative-approximative markers in the Finno-Ugric languages: Interaction with quantitative scales and the development of ambiguity]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2024, no. 4, pp. 45–75. (In Russ.)
2. Koshkareva N.B., Plotnikov I.M. Metazyzyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Metalinguistic Representation of the Semantics of Comparison as a Linguistic Sign]. *Kritika i semiotika*. 2023, no. 2, pp. 180–216. (In Russ.)
3. Polyakova E.E. Takie zhe, kak vokrug: ehkvasimilyativnye konstruksii v khvarshinskoy yazyke [Just like the ones around here: Equasimilative constructions in Khwarshin and beyond]. *Rema*. 2024, no. 1, pp. 28–60.
4. Sinitsyna Yu.V., Mordashova D.D., Winkler M.-E. A. Polisemiya sravnitel'nogo markera *kad'* v tatyshlynskom govore udmurtskogo yazyka [Polysemy patterns of the equative marker *kad'* in Tatyshly Udmurt]. *Uralo-Altayskie issledovaniya*. 2024, no. 4 (55), pp. 90–112.
5. Yashina R.I. *Sravnitel'nye konstruksii v udmurtskom yazyke* [Comparative constructions in Udmurt]. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963.
6. *Bacskai-Atkari J.* *The syntax of comparative constructions: Operators, ellipsis phenomena and functional left peripheries*. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2014.
7. *Jhang S.E.* *Headed nominalizations in Korean: relative clauses, clefts, and comparatives*. Doctoral dissertation, Simon Fraser University, 1994.
8. *Bhatt R., Takahashi S.* Reduced and unreduced phrasal comparatives. *Natural Language & Linguistic Theory*, no. 29 (3). 2011, pp. 581–620.

9. Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similitive constructions in the languages of Europe. J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton. 1998, pp. 277–334.
10. Henkelmann P. Constructions of equative comparison. *Language Typology and Universals*. 2006, no. 59, pp. 370–398.
11. Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World lexicon of grammaticalization*. 2nd, extensively revised and updated edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019
12. Rett J. Separate but Equal: A Typology of Equative Constructions. P. Hallman (ed.). *Interactions of Degree and Quantification*. Leiden; Boston: Brill, 2020, pp. 163–204.
13. Stassen L. *Comparison and Universal Grammar*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
14. Treis Y., Vanhove M. (eds.). *Similitive and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2017.

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Юлия Вячеславовна Синицына — преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; jv.sinitsyna@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Julia V. Sinitsyna — Teaching Fellow, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; jv.sinitsyna@yandex.ru

ОДУШЕВЛЕННОСТЬ И МАРКИРОВАНИЕ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В БАРТАНГСКОМ ЯЗЫКЕ

О.И. Беляев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт языкознания РАН, Москва; Россия; belyaev@ossetic-studies.org

Аннотация: Бартагский язык — один из немногих языков шугнано-рушанской группы (памирский ареал, восточноиранские > индоевропейские), в которых широко распространено дифференцированное маркирование прямого дополнения с помощью предлога *аз*. В основном этот предлог используется со структурно ограниченным классом именных групп: именами собственными, местоимениями, именными группами с демонстративом. Также засвидетельствованы употребления с формально немаркированными именами, не являющимися именами собственными, однако обладающими локальной уникальностью в рамках текста (например, протагонисты сказок). Однако не все употребления показателя *аз* можно объяснить подобным образом. Дополнения, не имеющие указанных выше признаков, могут маркироваться предлогом *аз* в случае, если они являются одушевленными, причем степень приемлемости выше для людей, чем для животных. Несмотря на приемлемость такого маркирования, оно является очень редким как в естественных текстах, так и при переводе с русского, английского и таджикского языков. Таким образом, следует выяснить, какой дополнительный фактор определяет возможность использования *аз* в таких случаях. В настоящей работе проводится проверка гипотезы о том, что на маркирование прямого дополнения влияет *относительное* расположение ядерных актантов — подлежащего и прямого дополнения — на иерархии одушевленности. Поскольку проведение полноценного экспериментального исследования для такого миноритарного языка, как бартагский, в настоящий момент не представляется возможным, мною был проведен неформальный опрос пяти носителей, в рамках которого им предлагалось перевести предложения, включающие все комбинации значений одушевленности (люди / животные / неодушевленные предметы) подлежащего и прямого объекта. Гипотеза подтвердилась лишь частично: неодушевленные объекты маркируются значительно реже одушевленных; в клаузах, где одушевленность подлежащего меньше или равна одушевленности прямого дополнения, *аз* используется значительно чаще, чем в обратной конфигурации. Однако, если исключить из рассмотрения клаузы с неодушевленными объектами (отсутствие маркирования которых предсказывается более простой гипотезой), эффект относительной одушевленности оказывается статистически слабым. При этом некоторые из собранных примеров

говорят о том, что более существенным фактором может быть потенциальная неоднозначность идентификации подлежащего и прямого дополнения. Влияние этого фактора на маркирование прямого дополнения в бартангском языке предстоит изучить в рамках отдельного исследования.

Ключевые слова: иранские языки; памирские языки; бартангский язык; дифференцированное маркирование объекта; одушевленность

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 24-18-00199 «Структура клаузы и позиционные феномены в языках SOV».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-6

Для цитирования: Беляев О.И. Одушевленность и маркирование прямого дополнения в бартангском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 71–89.

ANIMACY AND DIRECT OBJECT MARKING IN BARTANGI

Oleg I. Belyaev

*Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia;
belyaev@ossetic-studies.org*

Abstract: Bartangi is one of the few Shughni-Roshani languages (Pamir area, Eastern Iranian > Indo-European) where differential object marking (DOM) with the preposition *az* is widely attested. It is mainly used with a structurally restricted class of noun phrases: proper names, pronouns, NPs with demonstratives. It is also used with nouns that are formally unmarked and not proper nouns *per se*, yet possess local uniqueness within the text (e.g., fairy tale protagonists). However, not all uses of *az* can be explained in this way. Objects not having the features listed above may still be marked by *az* if they are animate, and the degree of acceptability is higher for humans than for animals. However, in spite of such marking being acceptable, it is very rare both in natural texts and during translation from Russian, English and Tajik. Therefore, it has to be established which additional factor determines the possibility of using *az* in such cases. In this paper I test the hypothesis that direct object marking is influenced by the relative position of the core argument — subject and direct object — in the animacy hierarchy. Since producing a full-fledged experimental study for such a minority language as Bartangi is currently impossible, I have conducted an informal survey of five native speakers where they were offered to translate sentences including all combinations of animacy values (humans / animals / inanimates) for the subject and direct object. The hypothesis was confirmed only partially: inanimate objects are marked significantly less frequently than animate ones; clauses where the animacy of the subject is less than or equal to the animacy of the object use *az* significantly less frequently than clauses with the opposite configuration. However, if clauses with inanimate objects are not taken into consideration (since their lack of marking is explained by the simpler hypothesis), the effect of relative animacy turns out to be statistically weak. At the same time,

some of the data that have been collected point towards ambiguity resolution as a more relevant factor. The influence of this factor on direct object marking in Bartangi is to be investigated within a separate study.

Keywords: Iranian languages; Pamir languages; Bartangi; differential object marking; animacy

Funding: This research has been supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00199 “Clause structure and positional phenomena in SOV languages”.

For citation: Belyaev O.I. (2026) Animacy and Direct Object Marking in Bartangi. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 71–89.

1. Введение

Бартангский — один из языков шугнано-рушанской группы (восточноиранские > индоевропейские), входящей в памирский языковой ареал [Edelman, Dodykhudoeva 2009]. На бартангском языке говорят в нескольких селениях на территории Горно-Бадахшанской АО (ГБАО) Республики Таджикистан, в нижней части долины р. Бартанг. Как и другие памирские языки, бартангский не имеет в Таджикистане официального статуса. Из-за отсутствия данных о владении языками в переписях точное число носителей бартангского неизвестно; его можно приблизительно оценить в несколько тысяч человек, с выраженной тенденцией к снижению числа носителей по причине массового отъезда из районов компактного проживания.

Как и другие памирские языки, бартангский характеризуется базовым порядком слов SOV, левым ветвлением в именной группе, совместным использованием предлогов и послелогов и сравнительно бедной системой словоизменительных категорий. Глаголы различают три времени — настояще-будущее, прошедшее и перфект — посредством использования различных основ, преимущественно нерегулярных, и согласуются с подлежащим при помощи личностных суффиксов в настоящем времени и клитик второй позиции в прошедшем. Личные и указательные местоимения различают прямой и косвенный падежи, тогда как все остальные имена не демонстрируют падежных оппозиций; выражение множественного числа на существительных также является факультативным. Существительные в бартангском обладают признаком мужского или женского рода. По роду изменяются указательные местоимения, а также некоторые непереходные глаголы и небольшое число прилагательных. Как и в других памирских языках, в бартангском на-

блюдается тенденция к переосмыслению категории рода в терминах единичного/общего [Эдельман 1990: 176]¹.

В бартангском языке, как и в рошорвском и сарыкольском, большое развитие получило оформление прямых дополнений при помощи предлога *аз*, исторически аблативного [Эдельман 1990: 243]. В подавляющем большинстве случаев этот показатель используется — и строго обязателен — с формально ограниченным классом именных групп: с местоимениями, именными группами, содержащими демонстратив [Соколова 1960: 7], именами собственными, а также с приравненными к последним именами, обозначающими локально уникальных индивидов или протагонистов.

Однако использование *аз* изредка встречается и вне этого класса объектов. Целью настоящей работы является проверка того, какое влияние на маркирование объекта в бартангском оказывает фактор одушевленности. На материале опроса носителей удалось установить, что одушевленные объекты — люди и животные — маркируются существенно чаще, чем неодушевленные. Кроме того, была предпринята попытка оценить влияние на маркирование объекта относительной позиции актантов на иерархии одушевленности [Silverstein 1976]. Статистическая оценка выявила слабую степень значимости данного фактора, при этом более существенным оказывается использование *аз* для снятия неоднозначности при идентификации подлежащего и прямого дополнения, см. [Comrie 1989: 129–130]. Более точная характеристика этого фактора требует дальнейшего полевого исследования.

Материал бартангского языка собран в ходе экспедиций 2023–2025 гг. в с. Басид Рушанского района ГБАО, Таджикистан. Я благодарен всем носителям языка, предоставившим переводы и грамматические суждения. Все ошибки — на моей совести.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 описываются базовые правила маркирования прямого дополнения в бартангском языке. В разделе 3 дается обзор тех случаев, в которых дополнение маркируется *аз* несмотря на отсутствие формальных условий для его оформления, на материале опубликованных текстов и суждений носителей. В разделе 4 представлены результаты более систематического опроса носителей для контекстов различных типов. В раз-

¹ «...в языках шугнано-рушанской группы... категория единичного/общего выявляется в “перебоях” категории рода: здесь существительные, обозначающие животных (без указания на пол) и неодуш. предметы, употребляясь в значении общего, категориального, т. е. класса данных предметов, относятся обычно к м. р., независимо от их рода в значении конкретного, единичного предмета» [Эдельман 1990: 176].

деле 5 подводятся итоги исследования и рассматриваются дальнейшие перспективы.

2. Основные факторы маркирования прямого дополнения

Использование *аз* для маркирования прямого дополнения в бартангском языке в подавляющем большинстве случаев определяется структурными свойствами именной группы. Как указывала еще В.С. Соколова [1960: 7; 84], «в бартангском диалекте прямое дополнение, если оно выражено указательным или личным местоимением, а также существительным с указательным местоимением, оформляется посредством предлога *аз*». В подтверждение этого тезиса приводятся примеры (1)–(3); согласно суждениям носителей, опущение *аз* в этих примерах невозможно.

- (1) а. *аз*   *тамāш*   *wīn-ум*
 ОВJ   вы   видеть.PRS-1SG
 ‘вас вижу’ [Соколова 1960: 7]
- б. *аз*   *ум*   *wīn-ум*
 ОВJ   D3.F.OBL   видеть.PRS-1SG
 ‘её вижу’ [Там же]
- в. *аз*   *ум*   *китоб wīn-ум*
 ОВJ   D3.F.OBL   книга   видеть.PRS-1SG
 ‘ту книгу вижу’ [Там же]

Следует отметить, что в бартангском, как и в других памирских языках, указательные местоимения грамматикализованы в качестве анафорических определенных артиклей, см. об этом [Эдельман 1990: 174]. Следовательно, такое маркирование, как (1в), характерно не только для дейктических контекстов, но и для всех случаев, когда референт был ранее упомянут.

Данные текстов и опроса носителей показали, что помимо трех типов именных групп, выделенных В.С. Соколовой, *аз* также обязателен с именами собственными, обозначающими людей (2), и факультативен с именами собственными, обозначающими животных (3). Имена собственные, обозначающие неодушевленные объекты (прежде всего топонимы), маркирования не получают (4).

- (2) *Пулод*   *(*аз*)   *Зарифā*   *жōwч*
 П.   ОВJ   З.   любить
 ‘Пулод любит Зарифу’.
- (3) *Āз=ум*   (*аз*)   *Чунак*   *авӯг*.
 я.NOM=1SG ОВJ Ч.   найти.PST
 ‘Я нашел Чунака (имя собаки)’.

- (4) Тамерлан (*аз) Эрон инчӯвд.
 Т. ОВJ И. братъ.PST
 ‘Тамерлан захватил Иран’.

Важным следствием из этого набора правил является тот факт, что *аз* в бартангском обязателен всегда, когда в ИГ в позиции прямого дополнения выражен падеж. Действительно, в бартангском, как и в других языках шугнано-рушанской группы, падежное маркирование сохраняется только на личных и указательных местоимениях (в последнем случае — как в приименной позиции, так и в независимом употреблении). Как видно из (1), если прямое дополнение выражено таким местоимением или содержит его в качестве модификатора, использование *аз* обязательно, причем местоимение, как входящее в состав зависимого предлога, стоит в форме косвенного падежа. Местоимения в форме косвенного падежа без предлога, равно как и в форме прямого падежа, в позиции прямого дополнения не допускаются.

3. Маркирование прямого дополнения в отсутствие структурных факторов

В отсутствие перечисленных в предыдущем разделе свойств объекта *аз*, в общем случае, не используется. Как указывает В.С. Соколова [1960: 84], этот показатель «не употребляется при прямом дополнении, выражающем или неопределенный или собирательный (категориальный) объект... в остальных случаях (т.е. при определенной единичности предмета, но выраженной только контекстом) употребление [*аз*], по-видимому, факультативно». Судя по примерам, которые приводит В.С. Соколова, речь идет об именах, описывающих уникального индивида в контексте рассказа, т.е. относящихся к протагонистам и основным участникам повествования (5)–(6). В.С. Соколова приводит также пример (7) как контекст с факультативным *аз*, однако мои данные этого не подтверждают: в современном бартангском языке рефлексив воспринимается как местоимение и получает обязательное маркирование.

- (5) (аз) *ҳинзӯм* *вӣ* *мом* *зӯч*
 ОВJ колдунья ДЗ.М.ОВL бабушка убивать.PRF
 ‘его бабушка убила колдунью’ [Соколова 1960: 84]

- (6) (аз) *рӯиц* *нас* *дорӯ* *рамод*
 ОВJ лиса за лекарство посылать.PST
 ‘(лев) послал лисицу за лекарством’ [Там же].

- (7) *аз* *ху* *патавч* *ар* *ҳац*
 ОВJ REFL бросить.PRF LOC.DOWN вода
 ‘(он) бросился в воду’

Однако не все примеры, в которых прямое дополнение с вершиной — нарицательным существительным без местоименных модификаторов получает *аз*, можно объяснить таким образом. Так, примеры (8)–(14) представляют собой предложения из грамматики Н. Карамхудоева [1973], приведенные как изолированные фразы. В основном это пословицы (8)–(9) или генерические утверждения (10)–(11), (13), однако встречаются и эпизодические контексты (12) и (14). Во всех этих примерах — кроме (12), контекст которого неясен, — объект не является определенным, что опровергает обобщение В.С. Соколовой выше, согласно которому неопределенные или «категориальные» (в другой терминологии — родовые или генерические) объекты не оформляются *аз*.

- (8) *кӧл аз кӧл тӕна-де-д*
 лысый ОВJ лысый упрек-бить.PRS:3SG
 ‘Лысый лысого упрекает’ [Карамхудоев 1973: 286].
- (9) *кӕт-р=ат такӕ дод аз виӕчерн-ав инчевд*
 жадный-DAT=2SG кусок дать.PST ОВJ локоть-ЕХН хватать.PRS:3SG
 ‘Жадному подай кусок хлеба, он и руку оторвет’ [Карамхудоев 1973: 288].
- (10) *понд=и курцобилуқ вуд, мошӕн*
 дорога=SUBV неровный быть.PST.M машина
аз одам зент
 ОВJ человек убивать.PRS:3SG
 ‘Если дорога плохая, машина измучает человека’ [Карамхудоев 1973: 294].
- (11) *ӕим мӕш понд хӕл-ак вироз: мот ат*
 D1.NOM мы дорога много-DIM крутой усталый и
мофӕ аз одам кӕт
 усталый ОВJ человек делать.PRS:3SG
 ‘Эта наша дорога очень крута, устает человек’ (букв. «(дорога) утомляет человека») [Карамхудоев 1973: 300].
- (12) *палӕнг аз нахчӕр ар чевн пардивонт*
 леопард ОВJ козел LOC.DOWN овраг бросить.PST
ху тӕт ат пӕт суд
 SEQ разбитый идти.PST.M
 ‘Леопард бросил горного козла с обрыва, и тот разбился’ [Карамхудоев 1973: 304].
- (13) *гӕк дорг кӕвн-чег аз одам кӕн кӕт*
 сухой бревно половина-делать.INF ОВJ человек трудный делать.PRS:3SG
 ‘Сломать полусухое бревно человеку трудно’ (букв. «затрудняет человека») [Карамхудоев 1973: 312].

- (14) *нур-ав аз йи одам рамйй-ан ди,*
сейчас-ADV ОВЈ один человек посылать.PRS-1PL LNK
лāk cārī йодд
JUS завтра прийти.PRS:3SG

‘Сегодня же пошлем одного человека, чтобы он завтра же вернулся’
[Карамхудоев 1973: 352].

Таким образом, в общем случае нельзя утверждать, что в бартангском прямые дополнения, не относящиеся к одному из типов, описанных в разделе 2, не могут оформляться предлогом *аз*. Однако такое маркирование возникает в текстах крайне редко, в связи с чем можно поставить вопрос о том, с чем связано появление показателя *аз* с неоформленными именами.

Прежде всего, следует отметить, что практически во всех примерах выше в позиции прямого объекта оказывается существительное, обозначающее человека. Исключениями являются (9) с неодушевленным объектом² и (12) с объектом-животным. Это позволяет предположить, что одушевленность, как минимум, является одним из значимых факторов маркирования прямого объекта.

Действительно, при элицитации все опрошенные мною носители были единодушны в том, что использование *аз* с неоформленным именем, обозначающим человека, в целом приемлемо (15а); использование его с животными маргинально допустимо (15б), тогда как использование его с неодушевленными не допускается (15в).

- (15) а. [?]*Пулод аз одам вйнт.*
П. ОВЈ человек видеть.PST
‘Пулод увидел человека’.
- б. ^{??}*Пулод аз рупц вйнт.*
П. ОВЈ лиса видеть.PST
‘Пулод увидел лису’.
- в. ^{*}*Пулод аз дарахт вйнт.*
П. ОВЈ дерево видеть.PST
(‘Пулод увидел дерево’).

Однако самого по себе этого наблюдения недостаточно для того, чтобы сделать обобщение о правилах маркирования прямого дополнения при отсутствии формальных условий, перечисленных выше: использование *аз* в (15а–б) все равно является крайне редким и скорее исключением, чем правилом.

² Впрочем, как отмечает анонимный рецензент, здесь рука является частью тела человека; имена с такими значениями в языках мира нередко ведут себя схоже с именами, обозначающими людей.

Помимо одушевленности, на дифференцированное маркирование прямого дополнения обычно влияют такие факторы, как определенность, порядок слов и информационная структура [Dalrymple, Nikolaeva 2011]. В бартангском влияние каких-либо из этих факторов обнаружить не удалось. Так, показатели определенности в языках мира можно в целом разделить на связанные с уникальностью («слабые») и связанные с анафоричностью («сильные»), см. [Schwarz 2009; 2013; 2019]. В бартангском языке функцию «сильного» артикля выполняют указательные местоимения (как правило, дальнего плана); их использование обязательно при повторном упоминании референта, ср. описание К. Паркера для шугнанского [Parker 2023: 142], в целом верное и для бартангского. Как указывалось выше, с указательными местоимениями (вне зависимости от их функции) использование *аз* обязательно. Уникальные референты в бартангском не получают какого-либо специального маркирования и не демонстрируют какого-либо специального предпочтения к маркированию при помощи *аз* по сравнению с примерами в (15): по умолчанию они остаются немаркированными, а для неодушевленных предметов маркирование запрещается, как видно из (16).

- (16) а. $\dot{A}z=ум$ *тар хукумат вуд,* ([?]*аз*)
 я.NOM=1SG LOC.EQ правительство быть.PST.M OBJ
президент=ум вйнт.
 президент=1SG видеть.PRF
 ‘Я был в правительстве и видел президента’.
- б. *Па осмон (*аз) хёр на вйн-ум*
 LOC.UP небо OBJ солнце NEG видеть.PRS-1SG
 ‘На небе я не вижу солнца’.

Похожим образом, несмотря на то, что в бартангском достаточно свободный порядок слов, перестановка актантов не оказывает какого-либо влияния на маркирование объекта. Такие порядки слов, как SVO или даже OSV (если актанты остаются различимыми из контекста), не демонстрируют какого-либо предпочтения для использования *аз* с прямым дополнением:

- (17) а. *Пулод вйнт* ([?]*аз*) *руиц.*
 П. видеть.PST OBJ лиса
 б. ([?]*Аз*) *руиц Пулод вйнт.*
 OBJ лиса П. видеть.PST
 ‘Пулод увидел лису’.

Топикальность, фокусность и контрастивность также не оказывают какого-либо заметного воздействия на маркирование, ср. (18) с контрастивным прямым дополнением:

- (18) Пулод (?? аз) **wurç** wйнт, (?? аз) **рупц** на.
 П. ОВJ волк видеть.PST ОВJ лиса NEG
 ‘Пулод увидел не лису, а волка’.

Еще одним фактором, который может влиять на дифференцированное маркирование прямого дополнения, является его агентивность. Для осетинского, другого восточноиранского языка, демонстрирующего в целом похожее распределение объектного маркирования по одушевленности, в работах Н.В. Сердобольской и О.В. Тужик [в печати] было показано, что более агентивные (или, точнее, менее прототипически пациентивные) прямые дополнения с большей вероятностью получают объектное маркирование. Например, в предложении *Асад купил осла* объект скорее будет не маркирован, потому что осел выступает как предмет обмена, тогда как в предложении *Охотник поймал горного козла* маркирование объекта скорее должно появляться, поскольку здесь предполагается, что козел убегал от охотника. В бартангском в обоих типах контекстов использование *аз* менее предпочтительно, чем его отсутствие (19)–(20). Следовательно, влияние фактора агентивности для этого языка маловероятно.

- (19) Асад (?? аз) **маркӕб** зохт.
 А. ОВJ осел брать.PST
 ‘Асад купил осла’.
- (20) Палашон (?? аз) **нахчӕр** инчӕвд.
 охотник ОВJ козел брать.PST
 ‘Охотник поймал горного козла’.

В ходе опроса носителей, однако, выяснилось следующее обстоятельство: даже для тех носителей, которые не допускают использование *аз* с неодушевленными объектами, подобные предложения оказываются приемлемыми или даже выдаются в качестве первой реакции в контекстах, когда подлежащее также является неодушевленным:

- (21) Жер **аз** **мошин** дод.
 камень ОВJ машина бить.PST
 ‘Камень ударил машину’.

Такие примеры заставляют предположить, что определяющим фактором маркирования прямого дополнения в отсутствие структурных признаков (демонстратив, имя собственное и т. д.) является не одушевленность как таковая, но относительное положение двух ядерных актантов на иерархии одушевленности [Silverstein 1976].

4. Относительная одушевленность как фактор маркирования прямого дополнения

Поскольку бартангский является миноритарным и малоресурсным языком, проведение полномасштабного экспериментального исследования с систематическим опросом десятков носителей на данном этапе представляется невозможным. В ходе полевой работы летом 2025 г. мною был собран у пяти носителей набор из 60 контекстов, включающих все сочетания фактора «одушевленность» с тремя значениями — человек, животное, неодушевленный объект — у подлежащего и прямого дополнения, подобные (19)–(21), т. е. пары: HUM > HUM, HUM > ANIM, HUM > INAN, ANIM > HUM, ANIM > ANIM, ANIM > INAN, INAN > HUM, INAN > ANIM, INAN > INAN. Распределение контекстов по этим классам представлено в табл. 1. Разное количество контекстов в разных ячейках вызвано различным числом естественных примеров для этих сочетаний, а также стремлением включить как можно большее количество классов существительных в обеих позициях (различные типы животных, движущиеся и недвижимые предметы и т. д.).

Таблица 1

Распределение контекстов по одушевленности подлежащего и прямого дополнения

подлежащее	прямое дополнение		
	неодушевленное	животное	человек
неодушевленное	5	3	3
животное	8	8	8
человек	10	7	8

Контексты предлагались носителям на перевод, как правило, с русского; для одного носителя в качестве языка-посредника использовался английский, для другого — таджикский по причине лучшего знания ими этих языков. Существенного влияние на результаты, насколько можно судить, это не оказало.

Всего было собрано 273 контекста у пяти носителей; расхождение между общим количеством в 60 контекстов и меньшим числом реально собранных контекстов объясняется тем, что не все носители смогли перевести каждый контекст (прежде всего, по причине неестественности для них некоторых предложений).

Попытаемся сначала оценить влияние фактора одушевленности прямого дополнения без учета одушевленности подлежащего. В табл. 2 представлено распределение маркирования объекта при помощи *аз* по этому параметру.

Таблица 2

Связь одушевленности и маркирования прямого дополнения

	∅	аз	всего
человек	50 (46,30 %)	58 (53,70 %)	108
животное	60 (54,55 %)	50 (45,45 %)	110
неодушевлённое	49 (89,09 %)	6 (10,91 %)	55

Даже поверхностная оценка этих результатов показывает, что маркирование неодушевленных объектов встречается крайне редко. При этом интересно, что для прямых дополнений — людей маркирование встречается даже несколько чаще, чем его отсутствие. Фактор одушевленности оказывается статистически значимым ($\chi^2 = 28,476$; $p < 0,01$). Однако различие между людьми и животными статистической значимостью не обладает ($\chi^2 = 1,4835$; $p > 0,10$). Таким образом, подтверждается общее наблюдение, что носители предпочитают не маркировать неодушевленные прямые дополнения, но о маркировании одушевленных ничего с определенностью сказать нельзя: в представленных контекстах они маркируются с примерно равной вероятностью.

Теперь рассмотрим влияние относительного расположения актантов на иерархии одушевленности. Общая частотность результатов представлена в табл. 3. Нетрудно заметить, что пропорции для контекстов «S = O» и «S < O» достаточно близки, так что имеет смысл рассматривать различие между случаем, когда подлежащее выше прямого дополнения на иерархии одушевленности (канонический случай), и случаем, когда статус обоих актантов равен или же прямое дополнение выше подлежащего (маркированный случай). Различие между этими типами контекстов является статистически значимым ($\chi^2 = 12,3569$; $p < 0,01$).

Таблица 3

Относительная одушевленность подлежащего и дополнения

	∅	аз	всего
S > O	59 (74,68 %)	20 (25,32 %)	79
S = O	64 (50,79 %)	62 (49,21 %)	126
S < O	36 (52,94 %)	32 (47,06 %)	68

Можно было бы предположить, что такой результат вызван общим запретом на маркирование неодушевленных прямых объектов. Действительно, такие будут встречаться преимущественно в классе S > O; в классе S = O они довольно редки (так как число контекстов

INAN > INAN весьма невелико), тогда как в классе S < O они по очевидным причинам отсутствуют. Это может дать увеличение пропорции неоформленных объектов в случае, когда подлежащее выше прямого дополнения.

Поэтому можно рассмотреть те же категории, но без учета неодушевленных прямых дополнений, что представлено в табл. 4.

Таблица 4

Относительная одушевленность подлежащего и дополнения без учета неодушевленных дополнений

	Ø	аз	всего
S > O	28 (60,87 %)	18 (39,13 %)	46
S = O	46 (44,23 %)	58 (55,77 %)	104
S < O	36 (52,94 %)	32 (47,06 %)	68

Такие результаты «на глаз» являются гораздо менее убедительными, и, действительно, различие между классами «S > O» и «S ≤ O» не является статистически значимым ($\chi^2 = 2,5279$; $p > 0,10$). Это, впрочем, не означает, что относительная позиция на иерархии одушевленности не играет никакой роли в выборе стратегии кодирования прямого дополнения, т. к. само по себе исключение неодушевленных объектов из данных в табл. 3 — достаточно искусственное решение. Тем не менее, нельзя исключить, что на значимость результатов в табл. 3 влияет размер выборки для различных позиций на иерархии и независимый фактор меньшей предпочтительности неодушевленных прямых дополнений.

Некоторые важные наблюдения можно сделать и рассмотрев каждую из типовых пар по отдельности, см. табл. 5. Как можно заметить, маркирование аз превышает отсутствие маркирования лишь в трех строках таблицы, и это ровно те строки, которые соответствуют вышеуказанному классу «S ≤ O», но только для одушевленных прямых дополнений (HUM > HUM, HUM > ANIM, ANIM > ANIM). Различие между этими тремя строками и остальными вариантами является статистически значимым ($\chi^2 = 21,2734$; $p < 0,001$).

Все это может указывать на то, что оформление одушевленных и неодушевленных прямых объектов подчиняется различным правилам. Неодушевленные прямые дополнения в подавляющем большинстве случаев не маркируются, и это оказывается важнее любых относительных иерархических эффектов. Для одушевленных же объектов значимым фактором оказывается относительная одушевленность подлежащего, но только в случае конкуренции между двумя одушевленными актантами.

**Частотность маркирования для всех сочетаний подлежащих
и прямых дополнений по одушевленности**

	Ø	аз	всего
HUM > HUM	25 (43,86 %)	32 (56,14 %)	57
HUM > ANIM	28 (60,87 %)	18 (39,13 %)	46
HUM > INAN	15 (93,75 %)	1 (6,25 %)	16
ANIM > HUM	15 (45,45 %)	18 (54,55 %)	33
ANIM > ANIM	21 (44,68 %)	26 (55,32 %)	47
ANIM > INAN	16 (94,12 %)	1 (5,88 %)	17
INAN > HUM	10 (55,56 %)	8 (44,44 %)	18
INAN > ANIM	11 (64,71 %)	6 (35,29 %)	17
INAN > INAN	18 (81,82 %)	4 (18,18 %)	22

Представляется, что такое распределение можно объяснить, если исходить из того, что дифференцированное маркирование прямого дополнения служит **снятию неоднозначности** того, кто в данном предложении является прямым дополнением. Такое объяснение часто предполагается для систем дифференцированного маркирования актантов [Comrie 1989: 129–130]. В частности, классическим случаем опционального маркирования агенса переходного глагола является язык хуа (ягария < трансновогвинейские), в котором эргатив используется только при неоднозначности идентификации актантов [Haiman 1980: 360]. Обращение к этой идее может позволить объяснить, почему в табл. 5 маркирование одушевленных объектов в контекстах с неодушевленным подлежащим оказывается ниже, чем в контекстах с одушевленным подлежащим. Дело в том, что, хотя контексты с неодушевленными подлежащими переходных глаголов безусловно являются непрототипическими, нельзя сказать, чтобы в таких контекстах возникала неоднозначность. Так, в контексте (22) ни один из пяти носителей не использовал предлог *аз*. Действительно, какая-либо неоднозначность здесь отсутствует: сложно предположить, чтобы козел поймал капкан.

- (22) *Капқан* (*аз)   *ваз*   *инчүвд.*
 капкан   овҗ   козёл   братъ.pst
 ‘Капкан поймал козла.’

При этом в контексте (23), напротив, все пять носителей использовали *аз*, и это можно объяснить именно тем, что вполне вероятной является и обратная ситуация: конь мог споткнуться о камень копытом. То же самое можно сказать и о примере (21) выше.

- (23) Жер аз ворч дед.
камень овj конь бить.рст
(Сегодня с горы упал большой камень.) ‘Камень ударил коня’.

Чаще же всего неоднозначность возникает, если оба ядерных актанта — люди или животные: в этом случае ситуация обычно является достаточно симметричной, так что каждого из участников можно потенциально идентифицировать как агенса. Именно в таких контекстах маркирование объекта при помощи *аз* преобладает над отсутствием маркирования в табл. 5.

Идея о дифференцированном маркировании объекта как инструменте снятия неоднозначности неоднократно подвергалась критике, начиная, как минимум, с работы [Fish 1967: 81] об испанском показателе *a*, где справедливо указывалось, что в реальном дискурсе идентифицировать подлежащее и прямое дополнение всегда позволяет контекст. Однако, во-первых, низкая частотность неоднозначных контекстов не означает, что они не могли послужить «триггером» для грамматикализации объектного маркирования. Известно, что грамматикализация часто происходит на основании специальных контекстов, открывающих пространство для семантического или синтаксического анализа — т. н. переходных (bridging contexts [Heine 2002]) или «триггерных» (trigger contexts [Diewald 2002]) контекстов. Р. Экарт [Eckardt 2011] даже использует специальный термин «опасные контексты» (precarious context), чтобы подчеркнуть, что такие контексты могут не только быть низкочастотными, но и находиться в некотором смысле «на грани» приемлемости. Во-вторых, в случае с примерами (21)–(23), возможно, следует говорить не столько о снятии неоднозначности, сколько о более конкретном семантическом требовании — *обратимости* ситуации: как указывалось выше, в (21) и (22) актанта потенциально могут находиться в обратном отношении, тогда как в (23) это исключено.

Таким образом, иерархия одушевленности, судя по всему, не оказывает в бартангском непосредственного влияния на маркирование прямого дополнения (за возможным исключением частично запрета на оформление неодушевленных объектов). Однако опрос носителей выявил другой возможный фактор: «обратимость» ситуации или неоднозначность идентификации подлежащего и прямого дополнения. Более подробное изучение влияния этого фактора на маркирование прямого дополнения требует дополнительного сбора полевых данных в ходе дальнейших экспедиций.

Выявленные закономерности также представляют интерес с ареально-генетической точки зрения. Как указывает Г. Боссонг, основным фактором, определяющим маркирование прямого дополнения

в новоиранских языках, является определенность [Bossong 1985: 128–129]. Однако более подробное рассмотрение данных отдельных восточноиранских языков показывает, что в них основным фактором оказывается одушевленность: это верно, в частности, для осетинского [Сердобольская, Тужик 2025] и ягнобского [Выдрин 2023] языков. Бартангский в этом смысле предстает языком смешанного типа: с одной стороны, основным фактором маркирования объекта является определенность (связанная с конкретными структурными типами ИГ); с другой стороны, одушевленность также играет роль, причем, что особенно существенно, фактор относительной позиции ядерных актантов на иерархии одушевленности, предполагаемый в настоящей статье для бартангского, отмечается также для осетинского [Тужик 2026]. Возможно, указанные сходства вызваны принадлежностью этих языков к восточноиранскому типу; для проверки этого утверждения требуется обращение к большему числу языков этой ареально-генетической группы.

5. Заключение

В работе рассматривается вопрос о факторах, определяющих маркирование прямого дополнения показателем *аз* в бартангском языке. В большинстве случаев оформление прямого дополнения подчиняется правилам, сформулированными еще В.С. Соколовой [1960]: оформляются местоимения, именные группы с модификатором-демонстративом и имена собственные. Однако как в опубликованных источниках, так и при элицитации встречаются примеры, в которых *аз* маркирует дополнения, не удовлетворяющие этим условиям. При этом, согласно опросу носителей, единственным фактором, который оказывает заметное действие на маркирование таких «неоформленных» объектов, является одушевленность: неодушевленные объекты не могут получать *аз*, тогда как приемлемость маркирования животных ниже, чем приемлемость маркирования людей. Кроме того, допустимость использования *аз* на первый взгляд зависит от относительной одушевленности подлежащего и прямого дополнения: «неканонические» конфигурации, в которых одушевленность дополнения выше или равна одушевленности пациенса, скорее допускают *аз*, чем конфигурации, в которых представлено каноническое соотношение более одушевленного подлежащего и менее одушевленного дополнения.

Поскольку изолированные суждения носителей дают довольно противоречивую картину, а провести полноценное экспериментальное исследование для такого миноритарного и малоресурсного языка, как бартангский, не представляется возможным, мною был предпринят опрос пяти носителей в полевых условиях, включавший

все возможные относительные конфигурации подлежащего и прямого дополнения. Это позволило подтвердить влияние одушевленности на маркирование объекта, однако лишь частично: статистически значимым оказалось лишь различие между одушевленными и неодушевленными дополнениями, тогда как люди и животные маркируются примерно с равной частотностью. Анализ относительной одушевленности также дал противоречивые результаты: в целом этот фактор обладает высокой значимостью, но, если исключить из рассмотрения неодушевленные дополнения (которые сами по себе маркируются очень редко), корреляция оказывается очень слабой, находясь на грани статистической значимости. Таким образом, наблюдаемые «иерархические» эффекты, по всей вероятности, являются внешними проявлениями иного, пока не выясненного фактора.

Некоторые из собранных в ходе исследования контекстов оказались своего рода «минимальными парами»: при одинаковом соотношении одушевленности двух актантов в одном случае все носители выбрали вариант с *аз*, в другом — без. По всей видимости, в таких контекстах использование *аз* определяется неоднозначностью идентификации подлежащего и прямого дополнения: *аз* используется тогда, когда интерпретация предложения с обратным соотношением участников возможна ('камень ударил коня' ~ 'конь ударил камень'); в противном случае ('капкан поймал волка' ~ #'волк поймал капкан') использование *аз* недопустимо. Проверка этого фактора требует дальнейшего исследования с опорой на новый полевой материал.

СПИСОК ГЛОСС

ADV — адвербиализатор; D1 — ближний дейктик; D3 — дальний дейктик; DAT — датив; DIM — диминутив; EXH — показатель тотальности ('весь'); F — женский род; JUS — юссив; LNK — соединительный показатель; LOC.DOWN — предлог, обозначающий местоположение ниже говорящего; LOC.UP — предлог, обозначающий местоположение выше говорящего; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OVJ — показатель прямого объекта; OVL — косвенный падеж; PL — множественное число; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SEQ — показатель темпоральной последовательности; SG — единственное число; SUBD — подчинительный союз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выдрин А.П. Дифференцированное падежное маркирование объекта в ягнобском языке // Язык как он есть: Сб. ст. к 60-летию Андрея Александровича Кибрика / Ред.-сост. Т.И. Давидюк, И.И. Исаев, Ю.В. Мазурова, С.Г. Татевосов, О.В. Федорова. М.: Буки Веди, 2023. С. 160–166.

2. *Карамхудоев Н.* Бартангский язык (фонетика и морфология). Душанбе, 1973.
3. *Сердобольская Н.В., Тужик О.В.* Агентивность прямого дополнения и дифференцированное объектное маркирование в иронском диалекте осетинского языка // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 1, 2025. В печати.
4. *Соколова В.С.* Бартангские тексты и словарь. М., 1960.
5. *Тужик О.В.* Свойства субъекта и дифференцированное маркирование объекта в иронском диалекте современного осетинского языка // Индоиранские языки. Т. 2, вып. 2, 2026. В печати.
6. *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
7. *Bosson G.* Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1985.
8. *Comrie B.* Language universals and linguistic typology. Moscow, 1989.
9. *Dalrymple M., Nikolaeva I.* Objects and information structure. Cambridge, 2011.
10. *Diewald G.* A model for relevant types of contexts in grammaticalization // Wischer I., Diewald G. (eds.). Reflections on Grammaticalization. Amsterdam, 2002. P. 103–120.
11. *Eckardt R.* Semantic reanalysis and language change // Language and Linguistics Compass 5 (1), 2011. P. 33–46.
12. *Fish G. T.* “A” with Spanish Direct Object // Hispania. 1967. 50 (1). P. 80–85.
13. *Haiman J.* Hua: A Papuan Language of the Eastern Highlands of New Guinea. Amsterdam, 1980.
14. *Heine B.* On the role of context in grammaticalization // Wischer I., Diewald G. New Reflections on Grammaticalization. Amsterdam, 2002. P. 83–101.
15. *Parker C.* A grammar of the Shughni language. Doctoral dissertation, McGill University, 2023.
16. *Schwarz F.* Two types of definites in natural language. Doctoral dissertation, University of Massachusetts at Amherst, 2009.
17. *Schwarz F.* Two kinds of definites cross-linguistically // Language and Linguistics Compass 7 (10), 2013. P. 534–559.
18. *Schwarz F.* Weak vs. strong definite articles // Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado V. (eds.). Definiteness across languages. Berlin, 2019. P. 1–37.
19. *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity // Dixon R. M. W. (ed.). Grammatical categories in Australian languages. Canberra, 1976. P. 112–171.

REFERENCES

1. Vydrin A.P. “Differentsirovannoe padezhnoe markirovanie ob’ekta v iagnobskom iazyke” [“Differential Case Marking of Object in Yaghnobi Language”]. Iazyk kak on est’: Sb. st. k 60-letiiu Andreia Aleksandrovicha Kibrika, ed. T.I. Davidiuk, I.I. Isaev, Iu.V. Mazurova, S.G. Tatevosov, and O.V. Fedorova, Moscow, Buky Vedi Publ., 2023, pp. 160–166. (In Russ.)
2. Karamkhudoev N. Bartangskii iazyk (fonetika i morfologiya) [Bartangi Language (Phonetics and Morphology)]. Dushanbe, 1973. 312 p. (In Russ.)
3. Serdobol’skaia N.V., Tuzhik O.V. “Agentivnost’ priamogo dopolneniia i differentsirovannoe ob’ektnoe markirovanie v ironskom dialekte osetinskogo iazyka” [“Agentivity of Direct Object and Differential Object Marking in Iron Dialect of Ossetic Language”]. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov, no. 1, 2025, in press. (In Russ.)
4. Sokolova V.S. Bartangskie teksty i slovar’ [Bartangi Texts and Dictionary]. Moscow, 1960. 248 p. (In Russ.)

5. Tuzhik O.V. “Svoistva sub’ekta i differentsirovannoe markirovanie ob’ekta v ironskom dialekte sovremennogo osetinskogo iazyka” [“Properties of Subject and Differential Object Marking in Iron Dialect of Modern Ossetic Language”]. *Indoiranskije iazyki*, vol. 2, no. 2, 2026, in press. (In Russ.)
6. Edel’shtein D.I. *Sravnitel’naia grammatika vostochnoiranskikh iazykov. Morfolo-giia. Elementy sintaksisa* [Comparative Grammar of East Iranian Languages. Mor-phology. Elements of Syntax]. Moscow, 1990. 328 p. (In Russ.)
7. Bossong G. *Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1985.
8. Comrie B. *Language universals and linguistic typology*. Moscow, 1989.
9. Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge, 2011.
10. Diewald G. A model for relevant types of contexts in grammaticalization // Wischer I., G. Diewald (eds.). *Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam, 2002. P. 103–120.
11. Eckardt R. Semantic reanalysis and language change // *Language and Linguistics Compass* 5 (1), 2011. P. 33–46.
12. Fish G. T. “A” with Spanish Direct Object // *Hispania* 50 (1), 1967. P. 80–85.
13. Haiman J. *Hua: A Papuan Language of the Eastern Highlands of New Guinea*. Am-sterdam, 1980.
14. Heine B. On the role of context in grammaticalization // Wischer I., Diewald G. *New Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam, 2002. P. 83–101.
15. Parker C. *A grammar of the Shughni language*. Doctoral dissertation, McGill Uni-versity, 2023.
16. Schwarz F. *Two types of definites in natural language*. Doctoral dissertation, Uni-versity of Massachusetts at Amherst, 2009.
17. Schwarz F. Two kinds of definites cross-linguistically // *Language and Linguistics Compass* 7 (10), 2013. P. 534–559.
18. Schwarz F. Weak vs. strong definite articles // Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado V. (eds.). *Definiteness across languages*. Berlin, 2019. P. 1–37.
19. Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // Dixon R. M. W. (ed.). *Gram-matical categories in Australian languages*. Canberra, 1976. P. 112–171.

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Олег Игоревич Беляев — к.ф.н., доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник сектора иранских языков Института языкознания РАН; belyaev@ossetic-studies.org

ABOUT THE AUTHOR

Oleg I. Belyaev — PhD, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Senior Re-searcher, Department of Iranian Languages, Institute of Linguistics RAS; belyaev@ossetic-studies.org

СЕМАНТИКА ЗАИМСТВОВАНИЙ *BEDOX* И *TOSSIA* В ТАБЛИЧКАХ ИЗ ВИНДОЛАНДЫ

А.Д. Леонович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; leons1807@gmail.com

Аннотация: Данная статья посвящена анализу заимствований, зафиксированных в латинских текстах I–II вв. н. э., основным материал исследования составляют таблички, обнаруженные на территории римского форта Виндоланда. Упомянутый археологический памятник, расположенный в Британии, известен тем, что в ходе раскопок там было найдено более тысячи тонких деревянных табличек, которые римлянами использовались в качестве писчего материала. Содержащаяся в табличках из Виндоланды повседневная корреспонденция, а также многочисленные хозяйственные и военные записи, отражающие живую разговорную речь как военных, так и гражданских жителей форта, представляют собой в высшей степени ценный и уникальный источник для изучения истории народного латинского языка и языковых контактов в провинциальной среде.

В статье рассматриваются две лексемы — *bedox* и *tossia*, — которые засвидетельствованы в текстах из Виндоланды. Их орфографические и семантические особенности анализируются в сопоставлении с данными античных авторов, эпиграфических надписей и средневековых латинских словарей. Особое внимание уделено уточнению значений этих гапаксов, обозначающих, вероятно, разновидности тканей или одежды.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют уточнить контекст использования данных лексем в северо-западных провинциях. Материал табличек из Виндоланды наглядно демонстрирует, что интенсивное взаимодействие между латинским языком и языками имперских окраин — кельтскими, бриттскими и т. д. — оказало в конечном счете устойчивое и долговременное влияние на развитие региональных вариантов народной латыни непосредственно на территории Британии.

Ключевые слова: латинский язык; заимствования; Виндоланда; текстильная терминология; римская Британия; народная латынь; билингвизм

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-7

Для цитирования: Леонович А.Д. Семантика заимствований *bedox* и *tossia* в табличках из Виндоланды // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 90–99.

THE SEMANTICS OF THE LOANWORDS *BEDOX* AND *TOSSIA* IN THE VINDOLANDA TABLETS

Anastasia D. Leonovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; leons1807@gmail.com

Abstract: This article analyses loanwords attested in Latin texts of the 1st–2nd centuries AD, with the primary research material comprising the writing tablets discovered at the Roman fort of Vindolanda. This archaeological site in Britain is renowned for yielding over a thousand thin wooden tablets, which were used by the Romans as writing material. The everyday correspondence contained within the Vindolanda tablets, along with numerous military and administrative records, reflect the natural colloquial speech of both the military personnel and civilian inhabitants of the fort. These documents constitute an exceptionally valuable and unique source for the history of Vulgar Latin and linguistic contacts in a provincial milieu.

The study focuses on two specific lexemes, *bedox* and *tossia*, which are attested in the Vindolanda texts and are interpreted as borrowings. Their orthographic and semantic features are analysed in comparison with data from classical authors, epigraphic inscriptions, and medieval Latin dictionaries. Particular attention is paid to clarifying the meanings of these hapaxes legomena which likely denote specific types of fabric or garments.

The findings provide grounds for reassessing the established chronology of these words' expansion and for defining more precisely the role of the Celtic substrate in the formation of the professional and domestic lexicon of the Latin language in the north-western provinces of the Roman Empire. Consequently, the Vindolanda tablets vividly demonstrate that the intensive interaction between Latin and Celtic and Brittonic languages ultimately exerted a sustained and long-term influence on the development of regional varieties of Vulgar Latin within Britain itself.

Keywords: Latin language; loanwords; Vindolanda; textile terminology; Roman Britain; Vulgar Latin; bilingualism

For citation: Leonovich A.D. (2026) The Semantics of the Loanwords *bedox* and *tossia* in the Vindolanda Tablets. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 90–99.

Введение

Таблички из Виндоланды — один из важнейших письменных памятников римской Британии и один из самых ранних корпусов латинской бытовой корреспонденции из сохранившихся до наших дней. Таблички были найдены при раскопках форта Виндоланда, расположенного на территории современной Северной Англии, к югу от вала Адриана. Дата первых письменных находок в форте — 1973 год. Большинство табличек датируется концом I — началом II в. н. э., а их содержание связано с жизнью гарнизона, располагавшегося там в то время [Bowman 1994; Антонец 2009].

Эти документы — частные письма, списки, отчеты, хозяйственные и военные записи — представляют собой уникальный материал для изучения разговорной формы латинского языка в провинциальной среде. Издания корпуса текстов табличек (*Tabulae Vindolandenses*, под ред. Боумана и Томаса) [Bowman, Thomas 1983–2011] позволили исследователям реконструировать не только бытовые реалии, но и языковую ситуацию в римской Британии.

Лингвистический материал табличек свидетельствует о разнообразии происхождения их авторов и адресатов. Среди них были как уроженцы Италии, так и выходцы из галльских, германских и иберийских провинций. Наряду с латинским языком, в обиходе форта существовали и кельтские, бриттские и др. наречия местного населения, что неизбежно вело к заимствованиям и формированию региональных особенностей в лексике.

Языковая ситуация в римской Британии I–II вв. н. э. характеризовалась многоуровневым билингвизмом. Латинский язык функционировал как язык администрации и армии, однако его носителями в провинции были представители различных регионов Империи, что обуславливало вариативность нормы. Одновременно местное население сохраняло собственные речевые особенности, вступавшие в контакт с латинским языком как в устной, так и в хозяйственно-деловой сфере. Как показал Дж. Адамс, региональные варианты народной латыни формировались в условиях интенсивного субстратного и адстратного взаимодействия, что особенно заметно в сфере профессиональной лексики [Adams 2003: 230–240]. В подобных условиях заимствования оказывались естественным результатом языкового контакта.

Особый интерес представляют случаи проникновения таких слов в латинский язык на уровне бытовой лексики, связанной с повседневной жизнью солдат, торговцев и ремесленников. В низовых письменных памятниках Британии встречаются слова, отсутствующие в литературном латинском языке, но регулярно засвидетельствованные в северо-западных провинциях Римской империи: например, связанные с пивоварением лексемы *cervesa*, *cervesarius*, *bracis*, *braciaris*. О проникновении иноязычного субстрата в латинскую лексику свидетельствуют и другие, более «освоенные» носителями латинского языка и встречающиеся в литературных текстах термины, присутствующие в табличках из Виндоланды: *bracae* ‘штаны’, *carrus* ‘повозка’, *petorritum* ‘четырёхколесная колесница’, *sagum* ‘плащ’. Эти слова и их ставшее нормой употребление в латинском языке демонстрируют активное усвоение латинской терминологией местных наименований в сфере материальной культуры,

а также позволяют проследить процесс взаимодействия латинского и кельтского языков на раннем этапе романизации Британии.

Настоящая статья посвящена рассмотрению двух лексем, встречающихся в корпусе табличек из Виндоланды — *bedox* и *tossia*. Анализ контекста их употребления и происхождения позволяет уточнить роль иноязычного компонента в формировании народно-латинской лексики и профессиональной терминологии.

Попытка проверить сведения о лексемах *bedox* и *tossia* по основным латинским и греческим словарям и этимологическим справочникам показывает их отсутствие в нормативной лексикографической традиции [см. Солопов 2008]. Данные слова не фиксируются в Оксфордском словаре латинского языка, словаре Льюиса — Шорта, а также отсутствуют в древнегреческом словаре Лидделла — Скотта — Джонса. Они не засвидетельствованы и в фундаментальных латинских этимологических словарях Эрну — Мейе, Вальде — Гофманна, де Ваана. Аналогичным образом соответствующие статьи отсутствуют в греческих этимологических словарях — Шантрена, Фриска, Бекеса. В лексикографической традиции кельтских языков (в словарях Хольдера, Деламарра и Матасовича) данные лексемы также не имеют самостоятельных словарных статей с определенным значением и фиксируются лишь в контексте отдельных эпиграфических публикаций.

В отличие от публикаций корпуса табличек и работ, где указанные лексемы лишь фиксируются в качестве единичных свидетельств, в настоящем исследовании впервые предпринимается попытка их системного сопоставительного анализа. Для этого будет проведено комплексное рассмотрение всех известных на сегодняшний день случаев использования лексем *bedox* и *tossia* (низовые эпиграфические памятники — таблички из Виндоланды и Лугувалия; эдикт Диоклетиана о ценах), а также уточнение их семантики на основании контекстуального анализа текста таблички, в которой данные термины встречаются.

Bedox

Примером явного заимствования, зафиксированного в табличках из Виндоланды и воспринимающегося как гапакс, является слово *bedox*. Оно встречается в табличке 192, в контексте бухгалтерского учета, наряду с обозначениями различных текстильных изделий — *lana*, *sagum* и, предположительно, *tossia*. Документ имеет отчетно-учетный характер: перечисляются предметы, снабженные количественными показателями и денежными обозначениями. Текст таблички сохранился отрывочно, поэтому реконструкция полного контекста затруднена. Однако уже сам факт включения *bedox* в пере-

чень тканей и изделий указывает на его принадлежность к сфере текстиля:

a Gauuone
bedocem (denariōs) [...]
fabae m(odios) V (denariōs) [...]
lanae p(ondo) XXXIIX[...]
p(ondo) (denariōs) XII s(emissem) (assem) [...]
tosseas III [...]
mellis m(odios) [...]
sagum [...]
s(umma) [(denarii) LXX]
(denarii)
ratio Gauonis (TV 192)

Согласно базам данных латинских текстов и эпиграфических памятников, это слово нигде более не засвидетельствовано.

Хольдер фиксирует данное слово в «Словаре пракельтского языка» [Holder 1896], снабжая его толкованием *schleier* ‘покрывало, вуаль’, однако отмечает гипотетический характер этой интерпретации.

Тот же термин обнаруживается в греческом тексте эдикта Диоклетиана о ценах (XIX 44; XIX 46), изданном Теодором Моммзенем [Mommsen 1893]:

XIX 44: βέδοξ Νωρικὸς κάλλιςτος ἤτοι βῆλον (Мегалополитанский фрагмент);
βέδοξ Νω... (Мегарский фрагмент);
XIX 46: βέδοξ Γαλλικὸς (Мегалополитанский фрагмент).

В латинской глоссе к данному фрагменту слово *βῆλον* объясняется как *uelum* — ‘покрывало, ткань’. Указание на «норикское» (*Νωρικὸς*) происхождение столь же важно: Норик был кельтской альпийской провинцией Римской империи. Таким образом, *βέδοξ* (а значит, и лат. *bedox*) могло обозначать некую ткань или предмет одежды, вероятно, плащевого типа.

Эту гипотезу подтверждает и тематический фрагмент XIX эдикта Диоклетиана, где перечисляется одежда разных видов — *χλαμύς*, *στίχη*, *σάγος* и т. д. Соответственно, *βέδοξ* упомянут среди текстильных изделий, что согласуется с контекстом таблички из Виндоланды.

В латинской версии эдикта Лауффер [Lauffer 1971] реконструировал это слово как *fedox*, однако фонетическое соответствие с латинским *bedox* из Виндоланды делает более вероятной именно такую форму. Оба варианта, по-видимому, отражают одну и ту же лексему, адаптированную к латинской графике.

Итак, слово *bedox* представляет собой заимствование, возможно кельтское, обозначающее вид ткани или верхней одежды, бытовавшей в северных провинциях Империи. Учитывая соседство с другими терминами (*sagum*, *tossia*), вполне возможно, что речь идет о разновидности плотного шерстяного плаща или покрывала, аналогичного галльскому *sagum*.

Tossia

Слово *tossia* встречается в той же табличке, где зафиксировано *bedox*:

TV 192: *tosseas III*.

До обнаружения этого памятника слово *tossia* было известно только по одной галльской надписи — CIL XIII 3162, 2, найденной во Вьё, деп. Кальвадос (фр. *Vieux*). Эта надпись датируется 238 г. н. э. и представляет собой эпиграфически зафиксированный образец письма, отправленного Тиберием Клавдием Паулином, губернатором Нижней Британии. В тексте упомянуты:

Dalmaticam Laodiciam fibulam auream cum gemmis, rachanas duas, tossiam Brit(annicam), pellem vit[ulii] marini semestris.

Здесь *tossia Britannica* фигурирует среди наименований предметов одежды (*rachana*, *pellis*), что позволяет предположить, что это слово обозначало ткань или изделие из ткани.

Джошуа Уатмоу в монографии «Диалекты древней Галлии» обращает внимание на надпись из Вьё и сопоставляет *tossia* с лат. *toxa* (по Папиевым глоссам: *vestis, quae toxa dicitur*), предполагая, что *tossia* является вариантом этого термина [Whatmough 1970: 730].

Соответствие латинским словам *toxa* и *tossia* обнаруживается в древнебретонском языке: *toos* ‘туника’ — слово, засвидетельствованное в словаре старобретонских глосс [Fleuriot 1964]. Лексема *toos* возводится к лат. *toxa*, что дополнительно подтверждает гипотезу о текстильном значении *tossia*. Следует, однако, учитывать и гипотетически возможное обратное направление заимствования — из латинского в бретонский. При этом, согласно данным средневековой латинской лексикографии, лат. *toxa* фиксируется преимущественно в памятниках X–XI вв., тогда как эта глосса датируется, вероятно, IX в. Поэтому данное направление заимствования остается неясным.

Дополнительное свидетельство приводит Роджер Томлин в статье «Двадцатый легион в Роксетере и Карлайле в I веке: эпиграфические свидетельства» (1992). Он упоминает табличку из Карлайла (античный Лугувалий), где, по его реконструкции, также встречается слово *tossia*: «...восстановленный фрагмент, сохранивший часть

воскового покрытия, содержит список предметов, среди которых можно распознать обозначения вроде *tossiam* и *sagum* 'плащ' с денежными суммами напротив них» [Tomlin 1992: 141–158].

Хотя данный текст крайне поврежден и не издан полностью, сам факт совместного употребления *tossia* и *sagum* — слова, также обозначающего верхнюю одежду, — подтверждает интерпретацию *tossia* как термина для обозначения ткани или предмета одежды.

Таким образом, латинские существительные *tossia* и *bedox*, встречающиеся в одном документе из Виндоланды, вероятно, представляют собой заимствования, вошедшие в латинский обиход в северных провинциях. Оба слова связаны с текстильной сферой и обозначают, по-видимому, разновидности тканей или одежд, типичных для местной традиции.

Заимствования подобного рода свидетельствуют о том, что латинская терминология, использовавшаяся в быту и торговле в Британии, активно усваивала местные наименования, прежде всего в областях, где имелись специфические реалии материальной культуры.

Заключение

Рассмотренные лексемы *tossia* и *bedox* демонстрируют сложность языковых контактов в северо-западных провинциях Римской империи. Материал табличек из Виндоланды позволяет говорить о существовании региональной текстильной терминологии, часть которой могла быть связана с кельтской языковой средой. Вместе с тем ограниченность источников и отсутствие надежных этимологических параллелей не позволяют с уверенностью определить генетическую принадлежность рассматриваемых слов.

Главным результатом проведенного анализа стало уточнение значений ряда лексем, ранее считавшихся гапаксами или не поддававшихся интерпретации. Так, на основе контекста табличек установлено, что *bedox* и *tossia* относятся к текстильной сфере и обозначают, вероятно, виды плотных шерстяных тканей или предметы одежды, аналогичные *sagum*. Эти слова можно рассматривать как заимствования — вероятно, кельтские, закрепившиеся в латинской профессиональной терминологии северных провинций. Они подтверждают, что таблички из Виндоланды представляют собой источник первостепенной важности не только для реконструкции быта, но и для языковой реконструкции, фиксирующий стадии адаптации иноязычных элементов в латинском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонец Е.В. Деревянные диптихи типа грамот Виндоланды и их отражение в римской литературе // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2009. № 13. С. 13–20.
2. Барышников А.Е. Города юго-востока римской Британии: империализм, традиции и особенности урбанизации // Вестник древней истории. 2022. Вып. 1(82). С. 101–116.
3. Солопов А. И. Начала латинской стилистики. М., 2008.
4. Adams J.N. *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge, 2003.
5. Adams J.N. The language of the Vindolanda writing tablets: an interim report // *Journal of Roman Studies*. 1995. Vol. 85. P. 86–134.
6. Beekes R.S.P. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden, 2010.
7. Bowman A.K. *Life and Letters on the Roman Frontier: Vindolanda and its People*. London, 1994.
8. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses I)*. London, 1987.
9. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses II)*. London, 1994.
10. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses)*. Vol. III. London, 2003.
11. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses)*. Vol. IV, Part 1. London, 2010.
12. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses)*. Vol. IV, Part 2. London, 2011.
13. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses)*. Vol. IV, Part 3. London, 2019.
14. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, 1968–1980.
15. Delamarre X. *Dictionnaire de la langue gauloise*. Paris, 2003.
16. Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris, 2001.
17. Fleuriot M.L. *Dictionnaire des gloses en vieux breton*. Paris, 1964.
18. Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1960–1972.
19. Glare P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 2012.
20. Holder A. *Alt-Celtischer Sprachschatz*. Leipzig, 1891–1913.
21. Lauffer S. *Diokletians Preisedikkt*. Berlin, 1971.
22. Lewis C.T., Short C. *A Latin Dictionary*. Oxford, 1879.
23. Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1996.
24. Matasović R. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden, 2009.
25. Mommsen Th. *Edictum Diocletiani de pretiis rerum venalium*. Berlin, 1893.
26. Tomlin R.S.O. *The Twentieth Legion at Wroxeter and Carlisle in the First Century: Epigraphic Evidence // Britannia*. 1992. Vol. 23. P. 141–158.
27. Vaan M. de. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, 2008.
28. Walde A., Hofmann J.B. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1938–1954.
29. Whatmough J. *The Dialects of Ancient Gaul*. Camb. (Mass.), 1970.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

30. CIL XIII = *Corpus Inscriptionum Latinarum. Volumen XIII: Inscriptiones trium Galliarum et Germaniarum Latinae*. Berolini, 1943.

REFERENCES

1. Antonets E.V. Derevyannye diptikhi tipa gramot Vindolandy i ikh otrazhenie v rimskoy literature [Wooden diptychs of the Vindolanda type and their reflection in Roman literature]. *Indoevropayskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, 2009, no. 13, pp. 13–20. (In Russ.)
2. Baryshnikov A.E. Goroda yugo-vostoka rimskoy Britanii: imperializm, traditsii i osobennosti urbanizatsii [Cities of southeastern Roman Britain: imperialism, traditions and features of urbanization]. *Vestnik drevney istorii*, 2022, 1(82), pp. 101–116. (In Russ.)
3. Solopov A. I. Nachala latinskoy stilistiki [Beginnings of the Latin Prose Composition]. Moscow, 2008.
4. Adams J.N. Bilingualism and the Latin Language. Cambridge, 2003. 682 p.
5. Adams J.N. The language of the Vindolanda writing tablets: an interim report. *Journal of Roman Studies*, 1995, vol. 85, pp. 86–134.
6. Beekes R.S.P. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden, 2010.
7. Bowman A.K. *Life and Letters on the Roman Frontier: Vindolanda and its People*. London, British Museum Press, 1994. 168 p.
8. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses I)*. London, British Museum Press, 1987.
9. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses II)*. London, British Museum Press, 1994.
10. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses III)*. London, British Museum Press, 2003.
11. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses IV), Part 1*. London, Society for the Promotion of Roman Studies Publ., 2010.
12. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses IV), Part 2*. London, Society for the Promotion of Roman Studies Publ., 2011.
13. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses IV), Part 3*. London, Society for the Promotion of Roman Studies Publ., 2019.
14. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, 1968–1980.
15. Delamarre X. *Dictionnaire de la langue gauloise*. Paris, 2003.
16. Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris, 2001.
17. Fleuriot M.L. *Dictionnaire des gloses en vieux breton*. Paris, 1964.
18. Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1960–1972.
19. Glare P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 2012.
20. Holder A. *Alt-Celtischer Sprachschatz*. Leipzig, 1891–1913.
21. Lauffer S. *Diokletians Preisedikt*. Berlin, 1971.
22. Lewis C.T., Short C. *A Latin Dictionary*. Oxford, 1879.
23. Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1996.
24. Matasović R. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden, 2009.
25. Mommsen Th. *Edictum Diocletiani de pretiis rerum venalium*. Berlin, 1893.
26. Tomlin R.S.O. The Twentieth Legion at Wroxeter and Carlisle in the First Century: Epigraphic Evidence. *Britannia*, 1992, vol. 23, pp. 141–158.
27. Vaan M. de. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, 2008.
28. Walde A., Hofmann J.B. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1938–1954.
29. Whatmough J. *The Dialects of Ancient Gaul*. Cambridge (Mass.), 1970.

SOURCES OF EXAMPLES

30. CIL XIII = *Corpus Inscriptionum Latinarum. Volumen XIII: Inscriptiones trium Galliarum et Germaniarum Latinae*. Berlin, G. Reimer Publ., 1943.

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Анастасия Дмитриевна Леонович — аспирант, специалист по учебно-методической работе кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; leons1807@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia D. Leonovich — PhD Student, Teaching Assistant, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; leons1807@gmail.com

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РОМАН С. КЛЫЧКОВА «ЧЕРТУХИНСКИЙ БАЛАКИРЬ» И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА

Н.З. Кольцова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; koltsovaru@rambler.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу жанровой природы романа С. Клычкова «Чертухинский балакирь». Ставится задача выделения жанровой доминанты произведения, рассматриваются точки зрения разных исследователей на соотношение литературного и фольклорного начал. Отмечаются некоторые черты сходства «Чертухинского балакиря» и произведений магического реализма (с их сплавом национальных мифов и новейшей литературной техники) — но лишь типологического, поскольку генетически роман, безусловно, связан с классической русской литературой (Пушкин, Гоголь) и неомифологической прозой Серебряного века (Сологуб, Блок, Андрей Белый, Ремизов и др.). Тем более, очевидно, не следует сравнивать роман Клычкова с антиутопией (в духе замятинского романа «Мы»). Подробно рассматривается вопрос о фольклорных традициях в романе: фольклор используется не просто для стилизации: он проникает в текст на глубинном уровне, и в этом проявляется модернистская основа творческого метода Клычкова (русские писатели-модернисты, хорошо чувствуя и зная фольклор, свободно с ним экспериментируют). Клычков воспроизводит сотворение мифа, показывает процесс его рождения из реальности, эволюцию и — закат. «Чертухинский балакирь» — эсхатологический миф, который демонстрирует гибель деревенского «земного рая». На основе привлеченных материалов — современных исследований по детской советской литературе — высказывается точка зрения о типологическом сближении клычковского романа и детской литературной сказки 1920–1930-х гг., в которой развивается концепция «обыкновенного», «рукотворного» (творимого человеком) чуда (Грин, Олеша). Важно, однако, что при этом оценка «рукотворного» чуда у Клычкова и, например, у Олеша, различна.

Результаты исследования позволяют говорить о жанровой «текучести» «Чертухинского балакиря», о его жанровом синкретизме и об органичном сочетании элементов былички, фольклорной волшебной и литературной сказки, а также романа — с доминированием фольклорных жанров. Определяется эта «текучесть» принадлежностью Клычкова к писателям-модернистам; именно модернизм утверждает стиль в качестве содержательной компоненты произведения, определяет принципы взаимодействия литературы и фолькло-

ра, а главное — специфику авторской модели мира и мифа, основу которого составляет ориентация на структуру как романа, так и сказки.

Ключевые слова: волшебная сказка; влияние фольклора; категория чудесного; Клычков; литература 1920–1930-х гг.; русская литературная сказка

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-8

Для цитирования: Кольцова Н.З. Роман Клычкова «Чертухинский балакирь» и русская литературная сказка // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 100–111.

S. KLYCHKOV'S NOVEL *CHERTUKHINSKY BALAKIR* AND THE RUSSIAN LITERARY FAIRY TALE

Natalia Z. Koltsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; koltsovaru@rambler.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the genre nature of S. Klychkov's novel *Chertukhinsky Balakir*. The task is to highlight the genre dominant of the work, and the points of view of different researchers on the relationship between the literary and folklore principles in the text are considered. Some similarities between *Chertukhinsky Balakir* and works of magical realism (with their fusion of national myths and the latest literary technique) are noted, but only typological similarities, because genetically the novel is undoubtedly connected with classical Russian literature (Pushkin, Gogol) and the neo-mythological prose of the Silver Age (Sologub, Blok, Andrei Bely, Remizov, etc.). Moreover, it is obvious that Klychkov's novel should not be compared with a dystopia (in the spirit of Zamyatin's novel *We*). The issue of folklore traditions in the novel is considered in detail: folklore is used by Klychkov not simply to stylize the text — it penetrates the text at a deep level — and this demonstrates the modernist basis of Klychkov's creative method (Russian modernist writers, having a good sense and knowledge of folklore, freely experiment with it). Klychkov literally reproduces the creation of a folklore myth, shows the process of its birth from reality. *Chertukhinsky Balakir* is an eschatological myth that demonstrates the decline of the village "earthly paradise". Based on the materials involved — modern research on Soviet children's literature — a point of view is expressed about the typological rapprochement of Klychkov's novel and the children's literary fairy tale of the 1920s–30s, which develops the concept of an "ordinary", "man-made" miracle (Grin, Olesha). It is important, however, that the assessment of the "man-made" miracle by Klychkov and, for example, Olesha, is completely different. The results of the study allow us to talk about the genre "fluidity" of *Chertukhinsky Balakir*, about its genre syncretism and the organic combination of elements of a bylichka, a folklore magic and literary fairy tale, as well as a novel — with the dominance of folklore genres. This "fluidity" is determined by Klychkov's belonging to modernist writers; it is modernism that asserts style as a substantive component of a work, determines the principles of interaction between literature and folklore, and most importantly — the specifics of the author's model of the world and myth,

the basis of which is the orientation towards the structure of both the novel and the fairy tale.

Keywords: category of the miraculous; fairy tale; influence of folklore; Klychkov; literature of the 1920s–30s; Russian literary fairy tale

For citation: Koltsova N.Z. (2026). S. Klychkov's Novel *Chertukhinsky Balakir* and the Russian Literary Fairy Tale. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 100–111.

Взаимодействие фольклора и литературы определяет художественное своеобразие романа Клычкова, который не случайно соотносят с явлением магического реализма: ведущей чертой этого художественного метода выступает органичный сплав национальных мифов и новейшей литературной техники. Так, работы Скоропеловой, Солнцевой и Кислицына [Скороспелова 2003; Солнцева 2013; Кислицын 2005] убедительно доказывают, что процессы, в мировой литературе вышедшие на поверхность во второй половине XX в., в русской культуре отчетливо обозначились уже в 1920–1930-е гг. — и творчество представителей «новокрестьянской литературы» является ярчайшим проявлением т. н. неомифологизма [Топоров 1990]. Безусловно, параллели между произведениями Борхеса, Кортасара и Клычкова, Кондратьева и др. исследователи помещают в поле схождения типологических, поскольку генезис послереволюционной русской неомифологической прозы предопределен русской культурой — творчеством Гоголя, Лескова, с одной стороны, и модернистской ветвью Серебряного века — с другой. Собственно, и сказ, и орнаментализм — ведущие стилевые тенденции в прозе Советской России 1920-х гг. — в значительной степени являются продолжением гоголевской линии русской литературы. Фольклорный сказ и стилизация «Вечеров на хуторе близ Диканьки» безошибочно угадываются в стиле романов «На берегах Ярыни» Кондратьева, «Чертухинский балакирь» Клычкова.

Как бы то ни было, при анализе стиля романа Клычкова исследователи сходятся в одном: литературные приемы не могут быть рассмотрены в отрыве от фольклорной традиции. Однако в вопросах жанровой принадлежности романа в работах литературоведов просматривается мышление бинарными оппозициями, которое разделяет два начала: фольклор «отвечает» в романе «Чертухинский балакирь» за наличие черт сказки и былички, а литература — за свойства романа. Так, Игнатова отмечает ориентацию Клычкова на жанр былички [Игнатова, 2015: 150–155]: это и установка на достоверность, и образы представителей низшей демонологии (в тексте действуют не сказочные персонажи — Баба Яга, Кощей, но леший,

колдунья¹), а также реальный (не условный сказочный) хронотоп (названа деревня, точно указано время событий) и отсутствие характерных для сказки словесных формул, преобладание сказового слова.

Не менее ощутимы в романе черты волшебной сказки: это и образы главных героев — Маши и Петра Кирилыча Пенкина, «изгоев», «дурачков», и связанный с ними сюжет сватовства, мотив «подменной невесты». И даже «демоническое существо», «пришедшее» в роман «Чертухинский балакирь» не из сказки, а из былички, — леший Анютюк — выступает в роли не антагониста, но чудесного помощника главного героя. Кислицын справедливо отмечает, что «Клычков исключает лешего из сферы зла» [Кислицын 2005: 50]. Итак, органичный синтез сказки и былички не вызывает сомнений в том, что роман имеет фольклорные корни.

Стремление же вписать произведение в литературный контекст и соотнести с явлением магического реализма подчас приводит исследователей к спорным выводам. Так, опираясь на концепцию Гугнина, с точки зрения которого, «в обязательный... набор признаков магического реализма входят антиутопичность, антипрагматизм, антиидеологизм и антидогматизм» [Гугнин 1998: 108], Кислицын утверждает антиутопичность прозы Клычкова: «...романы его суть антиутопии» [Кислицын 2005: 34]. С данным выводом, однако, сложно согласиться, особенно когда речь идет о «Чертухинском балакире», являющемся наиболее ярким воплощением эсхатологического патриархального мифа. Действительно, антиутопия должна быть направлена на развенчание псевдоидеальной модели мира, умозрительного «земного рая», тогда как роман Клычкова — это «поминальная молитва» по ушедшему, действительно прекрасному миру: «Буду я глядеть на вас с печки... вспоминать всю нашу судьбу, как на поминальном обеде, все вспомню, ничего не забуду и навек закреплю, как торжественный дьяк челобитню!..» [Клычков 1988: 228]. Жанровая специфика клычковского романа явно не может трактоваться в контексте жанра антиутопии, уже заявившего о себе в творчестве Замятина («Мы»), Козырева («Ленинград»). Но не вписывается роман и в какой-либо иной сугубо литературный жанровый канон.

На наш взгляд, поиск жанровой доминанты «Чертухинского балакиря» немислим без учета синкретических установок автора, усвоившего уроки Серебряного века, чуткого к специфике русского фольклора и в то же время свободно экспериментирующего с ним,

¹ Мелетинский пишет: «Мифические существа, например, в русской сказке иные, чем в русской же быличке, отражающей сохранившиеся в определенной среде суеверия» [Мелетинский 2000: 265].

как это происходит в творчестве Сологуба, Блока, Белого, Городецкого, Ремизова, А.Н. Толстого, идущих по пути не столько стилизации, сколько создания оригинальных текстов («Котофей Котофеич» А. Ремизова, «Иван Царевич и Алая-Алица» А.Н. Толстого и пр.).

Думается, и роман Клычкова принадлежит тому же ряду произведений: в нем фольклорные жанры представлены не как сложившиеся каноны, но как развивающиеся «организмы», помнящие о своем родстве друг с другом и общем истоке — мифе. Писатель воспроизводит сотворение мифа, позволяя читателю увидеть сам процесс его рождения из реальности. Сказка и быличка в романе выступают не просто как родственные жанры, но как различные этапы развития единого мифа (по Мелетинскому, быличка — архаичный вариант сказки, ср. [Мелетинский 1970: 139–147]). «Текучая» жанровая природа «Чертухинского балакиря» сопротивляется выявлению какого-то одного, застывшего жанрового элемента, в том числе и фольклорного. Более того, движение от мифа к быличке, а от последней к сказке есть своего рода аналог становления и эволюции жанра романа (если Эйхенбаум полагает, что роман «вырос» из цикла новелл [Эйхенбаум 1927: 166—209], то для Бахтина «протороман» — это карнавальная мениппея [Бахтин 2002: 151]). Волшебная сказка, как и роман, занимает вершинное положение в жанровой иерархии. И, на наш взгляд, в структуре клычковского произведения сказка (не только фольклорная, но и литературная) «подстраивает под себя» и другие жанровые формы.

Мотив инициации, деление романного пространства на «свое» и «чужое», сюжет путешествия не оставляют сомнений в том, что сказка предопределяет композицию произведения в целом, хотя есть и отклонения от фольклорного канона, например трагический финал. Литературная «предыстория» романа акцентируется цитацией — это и пушкинская «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», и гоголевская сказочная Диканька. Собственно, интертекстуальность — это не столько проявление интеллектуальной игры, сколько «обнажение приема»: литературная сказка (которую, как известно, отличает большее, по сравнению с фольклорной волшебной сказкой, разнообразие сюжетов, отклонения от пропповского алгоритма, выход за пределы замкнутого сказочного мира) у Клычкова во многом формирует сюжетную основу.

Еще раз подчеркнем: Клычков ориентируется прежде всего на явление *русской* литературной сказки, при том, что нельзя отрицать и влияние на него европейской традиции — но не только литературной. «Проводником» этого влияния, в том числе, возможно, театрального, явилась сама атмосфера Серебряного века — постановки пьес Ибсена, Метерлинка с их зримым чудом, преломившиеся

в свою очередь в творчестве писателей-модернистов. И, думается, верным будет утверждение, что за «магическое» пространство в культуре Серебряного века «отвечали» прежде всего карнавальная эстетика, театрализация самой жизни (жизнетворчество), а не литературная прозаическая сказка.

Если все же рассуждать о жанровой модели литературной сказки, актуальной для Клычкова, то следует признать, что для писателя важен опыт XIX века — прежде всего Пушкина и Гоголя, тогда как его современники могут иметь другие ориентиры. Так, Липовецкий, рассматривая литературную сказку 1920-х годов на примере творчества Клычкова, Олеси, Замятина, Ахматовой, Цветаевой, Хлебникова, Клюева, Леонова, особое внимание уделяет различиям между жанровыми установками писателей-сказочников, но при этом выявляет и инвариантные черты русской литературной сказки как таковой [Липовецкий 1992]. Обращаясь к трудам коллег, он отмечает, что ее ключевые признаки обозначены уже ими. Эти признаки таковы: ярко выраженное авторское начало; наличие фантастики (которая героями воспринимается как нечто неожиданное — в отличие от фольклорной сказки с ее пафосом «неудивления»); феномен чуда (является обязательным условием и фольклорной, и литературной сказки, но последняя подвергает чудо переосмыслению); адресация прежде всего детской аудитории; опора на фольклор (на традиции волшебной сказки); замкнутость и устойчивость формы; развитие действия в условном хронотопе.

Однако, на наш взгляд, в книге Липовецкого не всегда корректно расставлены акценты в комментировании того или иного положения предшественников-«оппонентов». Так, неразличение понятий «фантастика» и «чудо» искажает смысл высказывания Брауде, с которой Липовецкий вступает в спор: «Единственный устойчивый признак литературной сказки, по Л.Ю. Брауде, фантастический сюжет (“чудо (...) сюжетобразующий фактор”). Но в таком случае и “Фауст” Гете, и “Нос” Гоголя — это литературные сказки», — пишет Липовецкий [Липовецкий 1992: 4]. Оппонируя Липовецкому, подчеркнем: очевидно, что в повести Гоголя несчастье, произошедшее с майором Ковалевым, ни в коей мере не подпадает под категорию чуда (особенно в лосевском понимании слова, актуальном именно для сказки). Чудо и фантастика — принципиально различные категории: по Лосеву, «[ч]удо не есть просто проявление высших сил». С точки зрения Лосева, чудо есть прежде всего преобразование личности, или «совпадение случайно протекающей эмпирической истории личности с ее идеальным заданием» [Лосев 2001: 190]. Думается, в связи с романом Клычкова можно говорить именно о лосевской трактовке чуда — при том уточнении, что категория чуда существенна и для

литературной сказки (где чудо, однако, имеет еще одно «измерение» — оно может быть и «рукотворное»).

На наш взгляд, природу клычковской интерпретации чуда может прояснить концепция Октябрьской, изложенная ею в масштабном труде «Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–1950-х годов» [Октябрьская 2016], где рассмотрены историко-культурные предпосылки обращения современников Клычкова к сказке и изменения в ее жанровой природе, порожденные эпохой.

Октябрьская отмечает: «Современная писателю общественная ситуация, а также текущий литературный процесс все сильнее начинают влиять на сказку, что... стало приводить к... размыванию ее канонических жанровых основ» [Октябрьская 2016: 129]. Одним из радикальных изменений в «геноме» сказки автор исследования считает как раз новую концепцию чуда. Обыгрывая название знаменитой пьесы Шварца (написанной, однако, уже в 1954 г.), Октябрьская на примере сказки Олеси «Три толстяка» показывает, как трансформируется в литературе 1920-х гг. концепция чудесного — теперь читателю предстоит поверить в «обыкновенное чудо»: «Все сказочные приключения лишены привычного для народной сказки волшебства, а скорее напоминают не менее интересные для ребенка ловкие цирковые трюки. <...> Олеша не использует традиционную фантастику, характерную для волшебной сказки, но сохраняет значимую для нее жанровую ситуацию — борьбу за гармонизацию мира и такие черты сказочного повествования, как игровое, карнавално-праздничное начало, совмещающая его с традицией романтической новеллы или повести-сказки с присущей им игрой с мотивами мертвое / живое, театр / цирк, с сюжетом оживающих кукол и т. д. <...> Таким образом, роман-сказка “Три толстяка” открывает новую ипостась чуда — его обыкновенность» [Октябрьская 2016: 138–139].

Безусловно, по отношению к роману Клычкова рассуждать об установке на воссоздание атмосферы цирка и пр. невозможно, но сама конструкция — обнажение *механики* чуда, подвергающее сомнению возможность его иррациональной, «внеземной» природы, — обнаруживает конвергентное родство с типологически несхожими явлениями культуры, в том числе с литературой для детей. У Клычкова попытка рационализации чудесного, как и желание претворения утопии, чуда, в жизнь подвергается ироническому переосмыслению (и его горькая ирония переходит в сарказм): рукотворное чудо — уже не игра, а обман, который оборачивается гибелью героев и мира, уничтожением подлинно чудесного. Так, за чудесным помощником главного героя скрывается Спиридон, выдающий себя

за Антютика-свата: пользуясь доверчивостью балакиря, мельник выдает за него некрасивую дочку. Ульяна-бобылка приходит к Маше-непромыхе под видом «доброй» кудесницы, обещающей ей обрести красоту. И все же дезавуирование чуда не происходит: магия клычковского романа заключается в том, что быт и волшебство не отменяют друг друга, дистанция между ними колеблется. Показательно, что уже в связи с клычковской поэзией Липовецкий замечает, что «...ситуация полной гармонии между обыденной реальностью крестьянского быта и волшебной сказкой природы... отнесена у Клычкова в идеальную даль прошлого: в пору детства, в ушедшие века. Неидеальная современность не согласуется со сказкой, современные люди, считает Клычков, глухи и слепы к ней» [Липовецкий 1992: 47].

Некоторые исследователи, однако, относят категорию «обыденности» чудесного к корневым свойствам литературной сказки как таковой. Так, Лупанова уже в сказке XIX века отмечает установку на «иллюзию достоверности» [Лупанова 1959: 490], которая, по мнению исследовательницы, достигается нагнетанием бытовых деталей и подробностей. «Вера в чудо, конкретизация его при помощи черточек реального быта... — все это позволяет говорить о сказочной реальности, сказочной обстоятельности», — пишет и Ляхова [Ляхова 1980: 23]. Обыденное у Клычкова подчас неожиданно заявляет о себе, позволяя увидеть за сказочной «дымкой» отнюдь не романтические картины деревни: «За столом лица у всех посвежели от песни, зацвели улыбкой бабы круглые щеки, и на всякую теперь любо смотреть, даром что корявы... Да где только это царство, в котором и взаправду идут мужики за князей, а бабы и девки за королевы?» [Клычков 1988: 393].

Думается, такие фрагменты в первую очередь направлены на привлечение внимания к повествовательной стратегии автора. При этом акценты с событийного ряда смещаются на саму «ситуацию наблюдения» и на образ повествователя. Выдвижение на передний план последнего высвечивает тему соединения в романе обыденного и чудесного (что создает зыбкую атмосферу, поддерживающую читателя в состоянии «эпистолической неуверенности»).

Еще одним признаком литературной сказки, отличающим ее от сказки фольклорной, исследователи считают игровое начало: «Кроме сказочной жанровой ситуации, оживает и обновляется в литературной сказке и семантическое ядро субъектной организации волшебной сказки: создаваемое главным образом ее средствами свободное, игровое отношение к художественной реальности» [Липовецкий 1992: 157]. И здесь следует отметить своеобразие клычковской модели сказки в связи с его интерпретацией концепции

игры — последняя в соответствии с традициями народной культуры ассоциируется со злыми силами, во всяком случае в персонажной сфере. Однако и в этом случае Клычков переосмысляет традицию: носителем зла является мельник Спиридон с его притворством и своего рода оборотничеством, и зло это обусловлено принадлежностью миру людей, а не природы (зооморфный Антюттик, как было указано выше, не воплощает в себе злое начало). Таким образом, в романе трансформации подвергаются сущностные черты не только сказки, но и былички.

И все же Липовецкий не считает свойства сказки — и литературной, и фольклорной — определяющими в жанре «Чертухинского балакиря»: «Сказочность не способна стать идейно-эстетической доминантой “Чертухинского балакиря”» [Липовецкий 1992: 70]. С этим суждением исследователя согласиться сложно, как и с утверждением, что «у Н. Клюева, С. Клычкова, В. Хлебникова... сказочные образы играли стилеобразующую роль — создавали определенный эмоциональный фон, иной раз использовались как форма частной эстетической оценки» [Липовецкий 1992: 59].

Липовецкий так определяет жанр клычковского произведения: «Ведь это, в сущности, глубоко самобытный народный философский роман, в котором с точки зрения народа решается философский вопрос о смысле мужицкой жизни, счастье мужика» [Липовецкий 1992: 67]. Думается, что характеристика «Чертухинского балакиря» как народного философского романа — пусть и самобытного — все же не затрагивает его жанровой природы и вряд ли может считаться жанровым определением, как едва ли жанровая доминанта «Кому на Руси жить хорошо» может быть обозначена словами «народная философская поэма» (не случайно по отношению к произведению Некрасова чаще всего используется определение «народная поэма-эпопея»). Как уже не раз было доказано, жанровая специфика того или иного произведения определяется отнюдь не только его проблематикой — и, на наш взгляд, в случае с Клычковым главным является указание на характер *мифологизирования* автора, творчество которого принадлежит эпохе зрелого модернизма. В этом отношении можно принять стремление Липовецкого вписать клычковскую прозу в один ряд с творчеством перечисленных им авторов — Ремизова, Клюева, Хлебникова. Действительно, без учета «орнаментальной техники», уникальной повествовательной стратегии, как, впрочем, и остальных признаков модернистского текста (в том числе и ярко выраженного интертекстуального начала), выявить жанровую доминанту романа «Чертухинский балакирь» представляется затруднительным.

В романе Клычкова модернизм, утверждающий стиль в качестве содержательной компоненты произведения, обуславливает сами принципы взаимодействия литературы и фольклора, но главное — специфику авторского мифо- и миромоделирования, основу которого составляет ориентация на структуру как романа, так и сказки.

И даже если черты клычковского романа, сближающие его с литературной сказкой, занимают подчиненное положение по отношению к жанровым признакам фольклора — былички и фольклорной сказки, не учитывать их при анализе жанровой природы текста вряд ли возможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 6. М., 2002.
2. *Бушмин А.С.* Сказки Салтыкова-Щедрина. Л., 1976.
3. *Игнатова А.В.* Функция былички в романе С. Клычкова «Чертухинский балакирь» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. Т. 25, вып. 15. С. 150–155.
4. *Кислицын К.Н.* Проза С.А. Клычкова: поэтика магического реализма. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
5. *Клычков С.А.* Чертухинский балакирь. М., 1988.
6. *Липовецкий М.Н.* Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск, 1992.
7. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М., 2001.
8. *Лупанова И.П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959.
9. *Ляхова В.В.* Категория фантастического в советской драматической сказке для детей // Проблемы метода и жанра, Томск, 1980. Вып. 7. С. 18–25.
10. *Мелетинский Е.М.* Миф и сказка // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 139–147.
11. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 2000.
12. *Октябрьская О.С.* Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов. М., 2016.
13. *Скороспелова Е.Б.* Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003.
14. *Солнцева Н.М.* К вопросу о типологии магического реализма (проза С.А. Клычкова) // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 3 (55). С. 7–19.
15. *Солнцева Н.М.* Крестьянский космос в русской литературе 1900–1930-х годов. М., 2013.
16. *Топоров В.Н.* Неомифологизм в русской литературе начала XX в. Роман А.А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Trento, 1990.
17. *Эйхенбаум Б.М.* О Генри и теория новеллы // Эйхенбаум Б.М. Литература: Теория. Критика. Полемика. Л., 1927. С. 166–209.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii v 7 tomakh*. T. 6. Moscow, *Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ*, 2002. 505 p. (In Russ.)
2. Bushmin A.S. *Skazki Saltykova-Shchedrina* [Tales of Saltykov-Shchedrin]. Leningrad, *Khudozhestvennaya literatura Publ*, 1976. 280 p. (In Russ.)
3. Ignatova A.V. Funktsiya bylichki v romane S. Klychkova «Chertukhinskii balakir'» [The Function of the bylichka in S. Klychkov's Novel *Chertukhinsky Balakir*]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. History and Philology], 2015, T. 25, vyp. 15, pp. 150–155. (In Russ.)
4. Kislitsyn K.N. *Proza S.A. Klychkova: poehtika magicheskogo realizma* [Prose of S.A. Klychkov: the poetics of magical realism]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2005. 200 p. (In Russ.)
5. Klychkov S.A. *Chertukhinskii balakir'* [Chertukinski Balakir]. Moscow, *Sovetskii pisatel' Publ*, 1988. 688 p. (In Russ.)
6. Lipovetskii M.N. *Poetika literaturnoi skazki (na materiale russkoi literatury 1920—1980-kh godov)* [Poetics of the literary fairy tale (based on Russian literature of the 1920s-1980s)]. Sverdlovsk, *Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta*, 1992. 184 p. (In Russ.)
7. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow, *Mysl' Publ*, 2001. 559 p. (In Russ.)
8. Lupanova I.P. *Russkaya narodnaya skazka v tvorchestve pisatelei pervoi poloviny XIX veka* [Russian folk tale in the works of writers of the first half of the 19th century]. Petrozavodsk, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelskoi ASSR*, 1959. 504 p. (In Russ.)
9. Lyakhova V.V. *Kategoriya fantasticheskogo v sovetskoi dramaticheskoi skazke dlya detei* [The category of the fantastic in the Soviet dramatic fairy tale for children]. *Problemy metoda i zhanra* [Problems of method and genre, Issue 7], 1980, vyp. 7. Tomsk, *Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 18-25. (In Russ.)
10. Meletinskii E.M. *Mif i skazka* [Myth and fairy tale]. *Folklor i etnografiya* [Folklore and ethnography]. Leningrad, *Nauka Publ*, 1970, pp. 139-147. (In Russ.)
11. Meletinskii E.M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, *Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN*, 2000. 407 p. (In Russ.)
12. Oktyabr'skaya O.S. *Formirovanie i razvitie zhanrovoy sistemy v russkoi detskoj proze 1920–50-kh godov* [The formation and development of the genre system in russian children's prose of the 1920s–50s.]. Moscow, *MAKS Press Publ*, 2016. 248 p. (In Russ.)
13. Skorospelova E.B. *Russkaya proza XX veka: ot A. Belogo. («Peterburg») do B. Pasternaka («Doktor Zhivago»)* [Russian prose of the twentieth century: from A. Bely (*Petersburg*) to B. Pasternak (*Doctor Zhivago*)]. Moscow, *TEIS Publ*, 2003. 358 p. (In Russ.)
14. Solntseva N.M. *K voprosu o tipologii magicheskogo realizma (proza S.A. Klychkova)* [On the typology of magical realism (prose by S.A. Klychkov)]. *Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie»* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 3 (55), pp. 7–19. (In Russ.)
15. Solntseva N.M. *Krest'yanskii kosmos v russkoi literature 1900—1930-kh godov* [Peasant Space in Russian Literature of the 1900s — 1930s]. Moscow, *Izdatel'stvo Literaturnogo instituta imeni A.M. Gor'kogo*, 2013. 112 p. (In Russ.)
16. Toporov V.N. *Neomifologizm v russkoi literature nachala XX v. Roman A.A. Kondrat'eva «Na beregakh Yaryni»* [Neomythologism in Russian literature of the

early twentieth century. Novel by A.A. Kondratiev *On the banks of the Yaryn*. Trento, *Edizioni M. V.*, 1990. 328 p. (In Russ.)

17. Ehikhenbaum B.M. *O. Genri i teoriya novelly* [O. Henry and the theory of the short story]. Ehikhenbaum B.M. *Literatura: Teoriya. Kritika. Polemika*. Leningrad, *Priboi Publ*, 1927, pp. 166-209. (In Russ.)

Поступила в редакцию 07.08.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 07.08.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Наталья Зиновьевна Кольцова — к.ф.н., доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; koltsovaru@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Z. Koltsova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; koltsovaru@rambler.ru